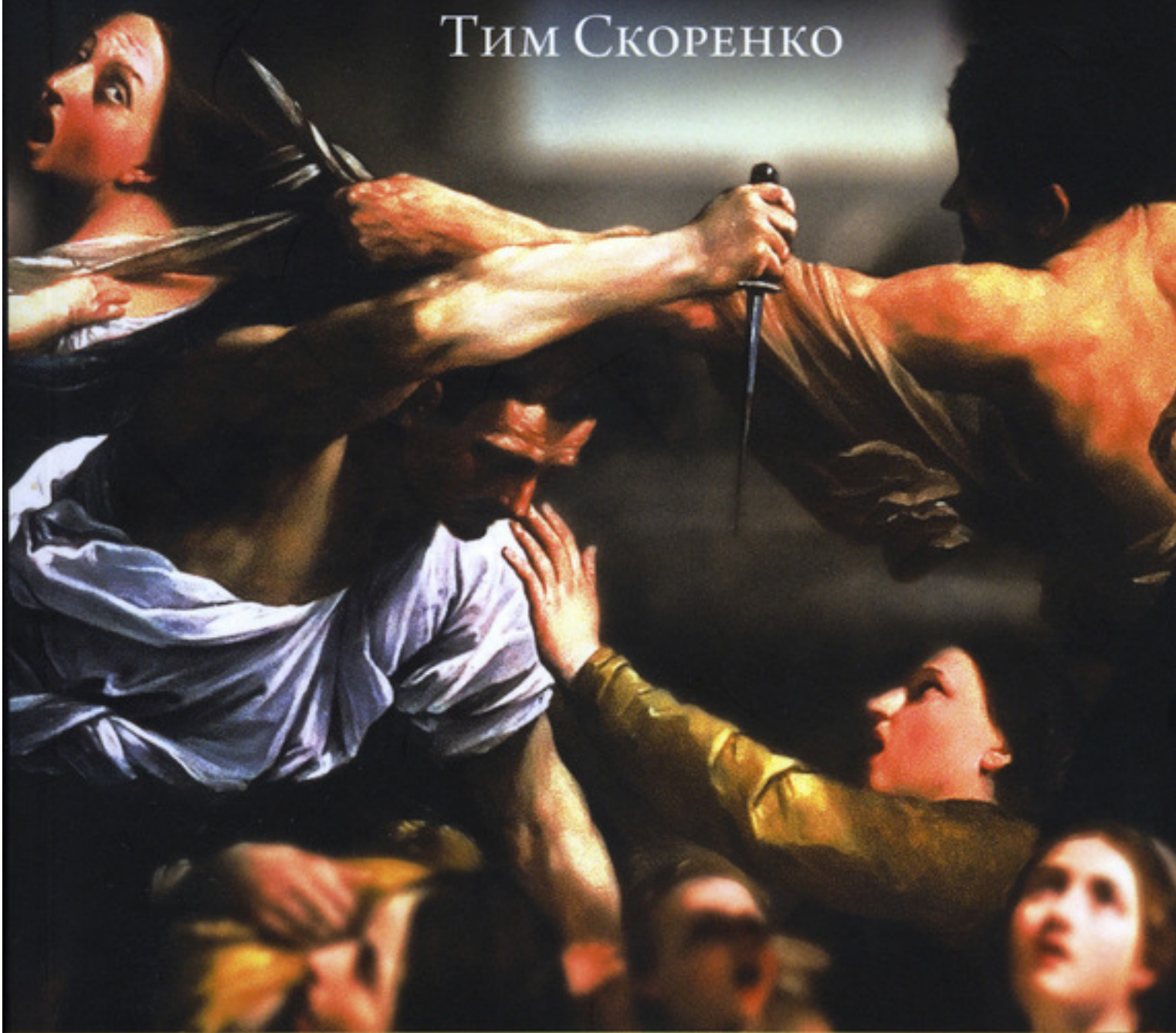

ОДА АБСОЛЮТНОЙ ЖЕСТОКОСТИ

Тим Скоренко

ЖУРНАЛ
Мир
Фантастики
РЕКОМЕНДУЕТ

Facultet
WWW.FACULTETBOOK.RU

Тим Скоренко

Ода абсолютной жестокости

«Автор»

2010

Скоренко Т. Ю.

Ода абсолютной жестокости / Т. Ю. Скоренко — «Автор», 2010

«Ода абсолютной жестокости» – дебютный роман одного из самых талантливых фантастов нового поколения. Герои «Оды» живут в мире, где нет смерти, но он наполнен страданиями, убийствами и пытками. За всем этим хаосом скрывается главный вопрос: как поведет себя человечество в случае обретения бессмертия? Здесь может выжить только тот, кто обладает нечеловеческой силой и жестокостью. «Ода» – история берсерка Риггера, теряющего свое бессмертие. Сможет ли он выжить в жесточайшем мире, где все, кроме него, неуязвимы?

© Скоренко Т. Ю., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Часть 1	5
Глава 1. Гладиаторы	6
Глава 2. Дорога	23
Глава 3. Город	35
Глава 4. При дворе	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Тим Скоренко

Ода абсолютной жестокости

Часть 1

Если бы я умел писать, я бы написал о себе книгу. Но я не умею писать. Потому что мне это не нужно. Потому что я – Риггер.

Глава 1. Гладиаторы

Я выхожу из дома и шурюсь. Солнце очень яркое. Оно режет глаза. Через минуту зрение восстанавливается. У колодца стоит Болт. Он только что умылся ледяной водой и выглядит несчастным.

Мне очень хочется сделать какую-нибудь мерзость. Причём не кому-то конкретно, а всем разом. Подхожу к колодцу.

– Ведро.

Болт уныло крутит рукоять. Ведро появляется на свет. Я опрокидываю его на себя. Холодно, хорошо.

– Ещё.

Болт вытягивает второе ведро. Умываюсь тщательно. Затем плюю в ведро и выливаю его на Болта, смеюсь. Болт отфыркивается. Хватаю его поперёк туловища и толкаю в колодец. Болт пытается сопротивляться. Ломаю ему пальцы на правой руке. Болт сдаётся и летит вниз.

Колодец загажен, по крайней мере, до полудня. Или даже до завтра. Болт бултыхается внизу.

– Ты зачем это сделал? – спрашивает Лосось.

Он колет дрова.

– Пошёл ты... – отвечаю.

Лосось отворачивается. Он знает, что в такие минуты я опасен.

Иду к дому. Слышу окрик.

– Риггер!

Оборачиваюсь. Это Носорог. Сто пятьдесят килограммов мышц. Слабак, в общем.

– Чего?

– Жирный требует.

– Подождёт.

Жирный, мать его. Когда-нибудь я ему тоже вломлю.

В сенях тепло. Прохожу в комнату. Бельва всё ещё в постели, она укрыта по шею, веснушки на её лице искрятся даже в полутьме. Распахиваю ставни. Бельва, шурясь, открывает один глаз.

– Уже сделал что-то мерзкое, правда? – спрашивает.

Подхожу к ней, целую, запускаю руку под одеяло, нащупываю её грудь, огромную, пышную, ласкаю.

Она отвечает на поцелуй, запускает свой язык мне в рот. Целуемся долго. Я возбуждаюсь. Сдёргиваю штаны одним движением. Заползаю под одеяло. Она тёплая и мягкая. Бельвы много, она необыкновенно красива, полной, удивительной красотой.

Вхожу в неё, рвусь вперёд, она стонет, продолжая целовать меня, обнимает за шею пухлой рукой.

Минут десять спустя, расслабленный и довольный, встаю с кровати, одеваюсь и иду к Жирному.

Он ждёт меня в своих апартаментах на втором этаже основного здания. Около него быки – абсолютно одинаковые, никогда их не различал – и Кость. Кость, как ни странно, одета вполне пристойно. Обычно она обходится без одежды. Перед Костью на столике чернила и стопка бумаги.

Жирный гаденько усмехается.

– Ты, Риггер, в последнее время стал наглым до полного опупения, – говорит Жирный ехидно.

Молчу. После паузы Жирный продолжает.

– Вот ты ради чего тут сидишь? Ради девок красивых, которых в любой момент трахнуть можно. Ради денег, на которые можно этим девкам бусики купить. Ради жарчки вкусной. В конце концов, ради того, чтобы дом был свой, куда вернуться можно всегда. Правда, Риггер?

Его левый глаз мерзко дёргается. Я не отвечаю.

– Молчишь... Я ж тебя, Риггер, ни хрена не держу. Иди на все четыре стороны. А раз ты тут живёшь, будь добр исполнять свои обязанности. Что ты вместо них делаешь, а? Зачем Голове-с-Плеч в задницу ручку от лопаты затолкал по самые гланды? Зачем Мормышке уши отрезал? Тебе делать нечего? – Жирный явно распаляется.

Он берёт со столика тонкий бокал, отпивает вина.

Продолжить не успевает. Входит Мартилла. Одета, как всегда, вызывающе. Чёрное и красное, грудь обнажена, юбочка – короче некуда, чулки с узорами. Красива, сука, до умопомрачения.

– Мессир, – говорит, – боюсь, колодец на некоторое время вышел из строя.

Жирный наклоняет голову вправо.

– Господин Риггер спустил туда Болта.

Жирный переводит взгляд на меня.

– Теперь вот воду испортил. Ты её пить будешь? Нет? А кто будет?

Молчу. В общем, он прав.

– Так вот, Риггер, ты знаешь. Управу я на тебя найду, как всегда находил. А теперь, будь добр, приступи к своим непосредственным обязанностям. И если в течение следующей недели произойдёт ещё один инцидент, ты отправишься в каземат, где проведёшь некоторое неприятное время. Пшёл вон!..

Я сплёвываю на пол. Жирный бешено вращает глазами. Выхожу медленно, покручивая бёдрами, как баба.

Слышу позади щебет Мартиллы.

У колодца толпа, человек двадцать. Ничего, попьют пока из другого, недалеко ходить. Пробираюсь к колодцу. Болт внизу едва стонет. Жив ещё, придурок.

Перелезаю через стенку колодца, становлюсь одной ногой в ведро.

– Опускай, – говорю в толпу.

Носорог – он в первом ряду – берётся за ручку, крутит. Спускаюсь всё ниже и ниже. Свет – уже маленькое пятнышко наверху.

Ведро касается воды. Болт цепляется за стенку колодца здоровой рукой. Вылезаю, упираясь ногами в стенки, обвязываю подмышки Болта колодезной цепью.

– Поднимай!

Болта уносит наверх. Поднимаюсь за ним самостоятельно, упираясь в стенки руками и ногами. Двигаюсь, кстати, гораздо быстрее ведра.

Выползаю наверх. Толпа окружила Болта. В центре, над Болтом, Носорог. Смачным ударом в лицо он добивает страдальца. Лицо Болта – кровавая каша, нос вогнан в череп. Два человека из черни поднимают тело и уносят. Все разом оборачиваются ко мне. Им нечего сказать, потому что они боятся. Только Голова-с-Плеч на заднем плане вякает что-то невразумительное. Забыл, как в заднице больно, когда туда лопату вгоняют. Ещё вспомнит, куда денется.

Иду обратно к дому. Сегодня должна прийти новая партия рабов для гладиаторских боёв. Всех нужно проверить, оценить, разбить по парам. Работа не из лёгких, но интересная. И я точно знаю, что никто с этим не справится, кроме меня.

Бельва уже встала, одевается.

– Затяни, – говорит она.

Она носит корсет в тщетной надежде похудеть. Я ей говорил, что если она похудеет, я тут же её брошу. Это шутка: я никогда её не брошу, нет. И она это знает.

Затягиваю.

– Ещё, – хрипит она.

– Хватит, задохнёшься, – отвечаю.

Шнурую корсет. Она надевает платье. Я иду в оружейную.

Прохожу через коридор, открываю едва заметную дверку в дальнем его конце.

Оружейная у меня огромная. Это, наверное, самая большая комната в доме. Здесь не только оружие. Здесь одежда для разных особенных случаев – и моя, и Бельвы, здесь тренажёры для упражнений, здесь склад всяких полезных вещей. Здесь хранятся книги. Я могу называть эту комнату библиотекой. Правда, я не умею читать. Зато Бельва умеет.

Надеваю кожаный жилет с металлическими бляхами, пристёгиваю к поясу кнут с металлическим набалдашником на конце, семихвостую плётку с крюками и металлический прут с рукоятью. На пальцы – кастеты. Метательные ножи – в кармашках на жилете. Надеваю кобуру.

Кобура у меня нестандартная. Она укреплена на бедре, не цепляясь за пояс: не для пистолета, а для дробовика. Это единственный дробовик на всю общину. В провинции таких – три. Я купил его за бешеные деньги шесть лет назад – и очень доволен. Если я выхожу из дома с дробовиком, значит, будут трупы.

Впрочем, они будут в любом случае: даже если я вышел из дома абсолютно голым.

По дороге к выходу заглядываю в спальню. Бельва одета. Она выплывает ко мне и целует меня в губы.

– До вечера, – говорю я.

* * *

Конь осёдлан: у Жирного всегда есть наготове осёдланный конь. У меня вообще нет своего коня, поскольку меня послушается любой. Боятся – но слушаются.

Сегодня – гнедой. Красавец, бока начищены, грива причёсана. Бондой зовут.

Партизан выглядывает из соседнего стойла. Его кислая физиономия меня раздражает, но я никогда не наглею с Партизаном. Если что-нибудь с ним сделать, весь день ни одна лошадь слушаться не будет. Партизан им – бог и царь. Я не понимаю, как он это делает, но если он шепнёт Бонде сбросить меня по дороге, Бонда так и сделает, невзирая ни на что.

– Это для Жирного, – говорит Партизан.

– Плевать, – отвечаю я.

Вывожу Бонду из конюшни. Солнце бьёт в глаза. Запрыгиваю в седло. Дробовик больно бьёт по ноге. Морщусь и дёргаю поводья. Бонда трогается.

Спокойным шагом пересекаю двор. Смотрю на быдло сверху вниз. Какая-то девка, незнакомая, видно, недавно совсем появилась, смотрит на меня с интересом. Вернусь – обработаю. На крыльце основного здания стоит один из быков Жирного. Он смотрит на Солнце, не шурясь, точно слепой. Я отвожу глаза.

На воротах сидят Чихарь и Пыхарь, практически близнецы. Они синхронно дёргают за рычаги, створки разъезжаются, пропуская меня наружу.

Деревня Жирного – большая. Много дворов. В отличие от других наместников, Жирный живёт в самом центре, и укрепления у него деревянные. У наместника Тынды по прозвищу Стекляшка четырёхэтажный дворец с лепными украшениями, а деревенька – маленькая и убогая. У наместника Арны по прозвищу Рак – каменный замок в центре большого города. Мне не нравятся города. Я бывал в городах несколько раз, и всегда попадал в переделки. Здесь – лучше.

Пускаю коня в галоп. Быдло пытается уйти с дороги, но не все успевают. Сшибаю какого-то мужика с большой корзиной в руках. В корзине яйца, они плюхаются на землю, разбиваются. Слышу сзади крик.

Деревню проезжаю за несколько минут: вдалеке уже виднеется амфитеатр.

Дорога идёт через поле. По обе стороны – колосья. Навстречу бредёт одинокая фигурка. Женщина с соломенными волосами. Останавливаю коня в нескольких метрах от неё, спрыгиваю.

Женщина смотрит на меня исподлобья. У неё широкое веснушчатое лицо, под рубахой – полная красивая грудь. Иду к ней. Женщина что-то чувствует, начинает отступать. Бегу, она – от меня.

Запутывается в подоле, падает лицом вниз. Сажусь на неё, задираю юбку, сдираю с себя штаны. Ёрзаю на ней несколько минут, она только скулит, глотая пыль. Поднимаюсь, отряхиваюсь. Женщина лежит на земле и тяжело дышит. Иду к коню, неожиданно в глазах мутнеет, затем проясняется. Наверное, это было лишним. Иногда стоит стерпеть.

Запрыгиваю на коня. Женщина тяжело встаёт. Скачу дальше. Оглядываюсь: она смотрит мне вслед.

* * *

Амфитеатр в получасе езды. Он огромный: четыре уровня, широкая овальная арена. Я слышал, что где-то есть такой же, даже больше, но каменный. Когда-нибудь я туда попаду.

Вокруг амфитеатра – тоже деревенька. Тут живёт обслуживающий персонал. На время очередных игр они бросают земледелие и работают на Жирного.

Проезжаю через деревеньку. Тут меня боятся больше, чем около усадьбы Жирного. Тут меня знают лучше. Мужчины склоняются, когда я проезжаю мимо них, женщины тоже. Те, кто покрасивее, прячутся.

Ворота амфитеатра – высотой шесть метров. Они открыты. У ворот стоит Монгол с алебардой наперевес.

– Привет, Монгол, – говорю я.

– Здравствуйте, господин Риггер, – отвечает он, чуть склоняя голову.

По положению он лишь немногим ниже меня. Он не охранник, просто любит стоять и смотреть на людей.

Внутри амфитеатра кипит жизнь. До очередных игр всего неделя, нужно ковать оружие и доспехи, готовить рабов, гладиаторов и зверей, решать прочие вопросы. Я спрыгиваю с коня, чья-то рука тут же хватается за поводья и уводит его.

Иду мимо тренирующихся бойцов к широкой лестнице, уходящей под землю. Под ареной – три этажа. Там находятся клетки для зверей и для рабов.

– Риггер!

Ко мне идёт Пантера. Он очень толстый, но грациозный. Его жир – это сила, литые мускулы под слоем мяса. Он движется с сумасшедшей скоростью. Есть только один человек, который может побить Пантеру, – это я.

– Если ты идёшь смотреть свежих, то они в бестиарии.

– Пошли.

Бестиарий – снаружи. Это клетки с тонкими частыми прутьями: так удобнее рассматривать животных.

– Совсем свежие?

– Утром.

– Им объяснили?

– Да.

Квадратная площадка огорожена высоким частоколом. Около одной из стен – шесть клеток, в каждой по пять человек. Они смотрят настороженно, они напряжены, никто не сидит.

Подхожу к первой клетке.

– Выпускай.

Служитель открывает дверь.

Тот, кого я убью, – не годится. Тот, кого я убью, будет вечным рабом. Он будет выходить на арену, чтобы его сожрали львы. Чтобы его жгли или пытали на глазах у публики. Его не будут учить драться, его будут кормить дерьмом, к нему не будут водить женщин. Нам нужно пушечное мясо.

Тот, над кем я одержу победу, но убить не сумею, – будет гладиатором.

Тот, кто победит меня, – будет свободен.

Последнее произносится с улыбкой, потому что это шутка.

– Выходи.

Они выходят – пятеро. Как на подбор: массивные, широкоплечие, сильные – четверо белых, один чёрный. Они одеты в тряпье, у одного – тяжёлый браслет на запястье, вероятно, пропустили, когда забирали имущество.

– Все всё знают? – спрашиваю на всякий случай.

Молчание.

– Повторяю вопрос. Все знают, что нужно делать?

– Да, – отвечает негр.

– Ты первый, – я указываю на него.

Он выходит вперёд. Он огромный. В нём нет ни капли жира, только гигантские мышцы. Бритая голова блестит от пота. Солнце отражается в эбеновой коже. Негр улыбается: сверкают белые зубы.

Он тяжелее меня минимум килограммов на пятьдесят.

– Давай, – говорит он хрипло.

Я снимаю кобуру с дробовиком и бросаю её на землю. Кнут и кошка болтаются на поясе. Я жду.

– Ну, давай, – повторяет он.

– Нет, – говорю я. – Ты давай. У тебя есть минута. Если через минуту ты не нападёшь первым, я разможу тебе череп из дробовика и ты станешь половой тряпкой.

И тогда он бросается. Если бы он врезался в меня, я бы не выдержал. Он бы сломал мне все кости. Но я отскакиваю в сторону и подставляю ему подножку. Он тяжело падает на землю, и я обеими ногами прыгаю ему на шею. Раздаётся хруст.

– В помойку, – говорю я. – Следующий.

Следующий – жилистый, лёгкий. У него чуть раскосые глаза.

Этот умеет драться. Он делает ложный выпад, потом второй, оба раза я увёртываюсь. Потом он взмывает в воздух, пытаюсь ударить меня ногой в грудь, я отскакиваю назад и вдруг обнаруживаю, что это движение тоже было обманным: он уже позади меня и его кулак летит мне в лицо. Он попадает. Я чувствую, как ломается нос, но мне плевать: одновременно с этим я бью ногой ему в пах, он сгибается. Следующим ударом я подсекаю ему ноги. Я пытаюсь сломать ему позвоночник, но он откатывается, и моя нога попадает ему по руке. Он воет. Я бью его ногой в висок и вырубаю.

– Сука, а... – говорю я, вытирая кровь с лица.

Этого уносят в другую сторону: он выдержал испытание. Будет драться на арене.

Третий – тот самый, с браслетом на руке. Он очень волосатый, немного похож на обезьяну. Первым делом пытается неуклюже ударить меня в лицо. Я скольжу мимо него, перехватываю руку и ломаю её о своё плечо. Он визжит, как недорезанная свинья. Вторым ударом я вгоняю его кадык поглубже в горло. Этому гладиатором не бывать.

Ко мне выходит невысокий полный человечек с хитрым взглядом. Он долго смотрит на меня, даже не пытаюсь напасть, а потом нагибается и набирает с земли камешков.

– И что? – говорю я.

Он бросает их в меня: по одному, с дикой скоростью, мастерски. Явно профессиональный метатель ножей. Я увёртываюсь от нескольких камешков, но затем болезненно получаю по лицу, потом в грудь, потом в живот, по руке. В два прыжка преодолеваю расстояние до метателя, как вдруг один из камешков попадает мне в глаз. Я ничего не вижу, боль дикая, но я знаю, где стоит толстяк. Сцепленные в замок руки врезаются в круглую голову. Я застываю на месте и открываю здоровый глаз. Толстяк оглушён: он лежит на земле и тяжело дышит.

– Прошёл, – говорю я.

Всё лицо в крови, но остался последний, пятый. Остальных – завтра. Редко выпадают такие тяжёлые клетки. Обычно встречается один сильный боец на десять – пятнадцать рабов. Тут – двое на пятерых. Главное, чтобы не трое.

Последний просто бьёт меня в живот. Я выдерживаю удар и выкалываю ему глаза «козой», он не успевает даже увернуться. Вторым ударом я ломаю ему горло. Отхожу. Больно, но я привык.

– Господин Риггер, вам требуется помощь? – женский голос.

Это Катина, прислужница Пантеры.

Я поднимаю кобуру с дробовиком и иду к выходу. Она трусит за мной. Глаз болит страшно, нос тоже. На руке, куда попал камень, рваная рана. Кожаный жилет на груди испорчен. Метатель хорош, да. Это будет интересным номером.

Я останавливаюсь и оборачиваюсь к Катине.

– Иди вперёд.

Теперь она идёт передо мной, я держу руку на её плече. Глаза закрыты.

Мы приходим в помещение, Катина сажает меня на что-то мягкое. Я жду. Она промывает мне глаз и стирает с лица кровь. Обидно, что теперь придётся ходить вот так весь день. Катина бинтует мне руку.

Мы – в комнате Катины.

Открываю здоровый глаз. Если бы я был в порядке, я завалил бы Катину на кровать и сделал своё чёрное дело. Но в таком состоянии я не справлюсь с Пантерой, который наверняка явится на её крики. И тогда будет очень больно – мне.

– Спасибо.

– Не за что, господин Риггер.

Встаю, иду обратно к клеткам. Вся процедура перевязки заняла не более десяти минут. Навстречу идёт Пантера.

– Хороший улов, – говорит он.

– Неплохой.

Улов просто отличный. Я иду к площадкам, где обучаются драться молодые гладиаторы, пошедшие на арену добровольно, – не рабы. Узкоглазый темноволосый мужчина размахивает мечом. Вот он отхватывает кому-то руку, кому-то распарывает живот. Противники боятся подойти ближе. Мужчина спокоен как удав. На его лице – ни тени эмоций. Он одет в чёрное кимоно, из-под которого видны чёрные мягкие сапожки с серебряным узором.

– Это кто?

– Киронага. Явился вчера вечером. Сказал, что будет драться. Обычный гладиатор-наёмник, только экзотичный немного.

– Хороший повод.

– Ты сейчас с ним не справишься.

Холодно смотрю на Пантеру.

– Я в любой момент с любым справлюсь.

Да, я преувеличиваю.

Киронага перерубает ногу чуть ниже колена последнему из заседающих на него гладиаторов. Он выпрямляется, поднимает голову. В его глазах я читаю: «Ну, кто ещё?»

Я протягиваю руку. В ладонь ложится рукоять катаны. Отстёгиваю кобуру, второй раз за день дробовик шлёпается в пыль. Надо будет почистить. Девушка, подавшая меч, пугливо отбегает.

Иду на Киронагу. Правый глаз слеп: у противника преимущество. Рука болит, но это мне не мешает.

Киронага салютует мне мечом. Я не отвечаю на приветствие: просто бью наотмашь, с силой, с целью пробить защиту, а не обойти её.

Он мастерски парирует, отскакивает в сторону, пытается подсесть мне ноги. Подпрыгиваю, бью сверху, парирует. Удар – звон, удар – увёртка, мы танцуем. Мне тяжело, он же движется так, будто его ноги не касаются земли.

Наш танец приближается к гладиатору, стоящему у самого края импровизированной арены. Я вижу его краем глаза. Киронага нападает справа: я не знаю, что он делает, и действую вслепую. Взмаываю в воздух и отталкиваюсь ногами от груди стоящего гладиатора. Тот падает, я перелетаю через Киронагу и бью сверху. Меня разворачивает в воздухе, и я чувствую, как живот пронзает боль. Я падаю на землю. Киронага стоит надо мной: его катана в крови. Мои кишки размазаны по пыли.

– Берём, – говорю я и теряю сознание.

* * *

Я открываю глаза и смотрю в потолок. На потолке – росписи, изображена обнажённая женщина с непристойно раздвинутыми ногами и мужчина с эрегированным фаллосом. Это моя комната. Поворачиваю голову: у кровати сидит Бельва и смотрит на меня с улыбкой.

– Глупый ты. Весь день испортил и себе, и мне.

Улыбаюсь.

– Знаю. Сильные были.

Она нагибается и целует меня. Я чувствую силу, опрокидываю её на кровать и ласкаю. Она хихикает, потому что ей щекотно.

Бельва – это единственный человек, которому я никогда не причиню боль. Бельва – это единственный человек, который не боится меня. Кто-то может думать, что Жирный имеет надо мной власть, но нет – он боится меня так же, как и все остальные. Бельва единственная имеет надо мной власть.

Мы кувыркаемся около получаса. Затем я нежусь в её объятьях, Солнце бьёт в окна, и тут я вспоминаю Киронагу. Настроение снова портится. Я понимаю, что вчера немного перебрал: нельзя было идти против сильного соперника в таком состоянии.

Что ж. Сегодня я проверю, чего стоит этот узкоглазый на самом деле.

Рывком вскакиваю с кровати, оборачиваюсь и посылаю Бельве воздушный поцелуй. Она прекрасна.

Одеваюсь: моя одежда выстирана и аккуратно сложена возле кровати.

Иду в оружейную. Плетки, кнуты, кастеты: всё лежит на местах. Бельва знает, что я люблю порядок. Мне хочется есть. Вчера я не завтракал, потому что был не голоден, а пообедать так и не пришлось. Сегодня есть желание навестить кухню.

Кухня – это отдельное здание с черепичной крышей. Под кухней – обширный погреб. Рабов не кормят: в этом нет смысла. Раб, от голода неспособный работать, просто добывается, а утром он снова готов к труду. Поэтому на кухне – только изысканная пища – для свиты Жирного, и чуть проще – для дворовых.

На кухонном крыльце стоит Пузан. Это повар. На самом деле, он вовсе не толстый, просто кормит от пуза, потому и прозвали. Пузан пропускает меня внутрь без единого слова. Пузан

почти никогда со мной не говорит. Однажды от нечего делать я отрезал ему язык. Получил за это две недели карцера.

Внутри прохладно и уютно. Пахнет едой. Общий завтрак закончился час назад. За одним из столов сидит мрачный Лосось и ест какую-то кашу. Подсаживаюсь к нему.

– Здоров.

– Здоров.

– Чего мрачный такой?

– А чему радоваться?

У Лосося всё время проблемы с бабами. Они его не любят. Нормальный вроде мужик, достаточно крепкий, спокойный. Ничего особенного. Но дурак: любит бабу, которой он – до фени. Когда другие к нему лезут, отталкивается от них. А эта ему не даёт.

– Опять Ринка?

Он кивает.

– Я тебе уже говорил – завали её в поле да отымей как хочешь. Сразу полюбит.

– Я не ты.

Усмехаюсь.

– Конечно.

Марва приносит мне еду: густую наваристую кашу с мясом, яблочный сок, свежие овощи. Ем с удовольствием. Марва смотрит на меня.

– Что смотришь?

Марва уходит, покачивая бёдрами.

– Вот чего, думаешь, она так на меня пялится? – говорю.

– Ну?

– Я её как-то в углу зажал да отодрал во все щели. До сих пор от меня млеет. Ты что, так не можешь? Не верю.

– Ага, – Лосось вздыхает.

На самом деле, я могу назвать Лосося своим другом. В той мере, в какой у меня могут быть друзья.

У меня могут быть друзья, говорю я себе.

Едим молча. Появляется Пузан, проходит мимо нас в заднее помещение кухни.

Доедаю.

– Ну, смотри, – говорю Лосося.

– Угу, – хмыкает он.

Я снова во дворе. Надо ехать к амфитеатру. Меня ждёт работа.

* * *

Проезжая через деревню, я ловлю чей-то взгляд. Когда на меня смотрят просто так, я этого не замечаю. В этом взгляде я чувствую ненависть. Оглядываюсь. В двух метрах от меня стоит вчерашняя женщина, встреченная мной в поле, а за её спиной – мужчина, крепкий, бородатый, черноволосый. В его руке – кнут. Он отталкивает женщину назад, размахивается и бьёт меня кнутом.

Горячая кожаная змея обвивается вокруг меня, мужчина дёргает, и я слетаю с лошади. Я не знаю этих людей, но они могут знать, кто я. Они обязаны знать, кто я.

Мужчина заносит надо мной топор, я выворачиваюсь и вскакиваю на ноги. Мои руки стянуты кнутом, но это не мешает. Я взмываю в воздух и бью мужчину в грудь, он падает. Женщина прыгает мне на спину, но я уже освобождаюсь от кнута и бью её по голове кулаком. Кастет с шипами разрывает ей лоб, она падает. Мужчина неловко встаёт с земли. В его руке – топор, но он не знает, что с ним делать.

Я снимаю с пояса семихвостку с крюками. Надо преподать урок быдлу.

– Ну что, сука, – говорит он, – на женщин легче нападать?

Неожиданно ко мне возвращается абсолютное хладнокровие. Я выпрямляюсь, держа плеть в правой руке, и сверлю мужчину глазами.

– Нет. На женщин нападать труднее, потому что их приходится насиловать. Мужика достаточно просто убить.

Это выводит его из себя. Он бросается на меня с криком. Я увёртываюсь, подставляю ему подножку и бью тяжёлой плетью по спине. Крюки рвут его холщовую рубаху, впиваются в кожу и выдирают куски мяса. Пока он не встал, бью второй раз, третий. Он рыдает, пытается отползти. После пятого удара на его спине уже нет ни рубахи, ни кожи, плеть выдирает куски мышц и органов. Женщина с раскроенной головой лежит неподалёку.

Заканчиваю экзекуцию. Осматриваюсь. Всё вокруг в крови. Быдло столпилось и смотрит на меня, как на заморскую диковинку.

– Меня зовут Риггер! – ору я.

Все молчат.

– Вы слышите? Меня зовут Риггер.

Молчание.

– Вы все знаете, кто я такой. Вы все знаете, что я Риггер. В следующий раз я не буду так милосерден. В следующий раз он станет рабом на каменоломне. На-всег-да, – я чеканю слоги.

Молчание. Женщина с высоким лбом и огромными голубыми глазами подводит мне коня. Запрыгиваю на него. Женщина смотрит на меня снизу вверх.

Ухмыляюсь, посылаю ей воздушный поцелуй и еду дальше.

* * *

Пантера уже ждёт меня.

– Ты поздно сегодня, Риггер, – говорит он.

– Пришлось задержаться.

В глазах Пантеры читается интерес, но я ничего ему не скажу. Сам узнает, если захочет.

– Вторая порция?

– Давай.

В мои обязанности входит не только проверять рабов и наёмников. Это просто рутина. Когда на провинцию напали дикари с севера, я был личным телохранителем Жирного. Войны не бывают долгими, когда враг бессмертен. Счёт идёт не на убитых, а на взятых в плен. Та война продолжалась всего один день, за который с головы Жирного не упал ни один волосок. Он боится боли. Со мной он боится только той боли, которую причиню ему я.

– Киронага, ну, тот, с катаной – не гладиатор, – говорит Пантера.

– Догадываюсь.

– Вчера никто не смог даже ранить его. Он как заколдованный. Боец такого уровня не будет зарабатывать на гладиаторских схватках. Он может в одиночку разметать стражу любого наместника и стать наместником сам, если захочет.

– Я думаю, он как-то связан с Императором.

– Вероятно.

– Это может быть проверкой, кстати.

– Тоже возможно.

Мы уже находимся в том же самом месте, что и вчера. Те же пять клеток вдоль стены: одна пустует.

– Выпускай.

Я не тружусь снимать кобуру. Сегодня я уверен в себе.

Пятёрка выходит неуверенно. Трое похожи, точно братья, почти одинаковые, здоровенные, обросшие, как медведи. Маленький человечек, узкоглазый и желтокожий. Высокий жилистый негр, причём не полукровка, а настоящий, из-за морей. У него абсолютно чёрная, непроницаемая кожа и огромная нижняя челюсть. Которую легко сломать.

– Первый.

Негр идёт ко мне. Я подпускаю его поближе, а потом резко пригибаюсь и подсекаю ноги. Он неуклюже падает. Ударом пятки перебиваю ему шею.

– Ты не оригинален, – говорит Пантера.

– Мой любимый способ.

Они все защищают голову, живот, гениталии – только не шею. Убить человека ударом по шее – проще всего. И быстрее.

– Следующий.

И тут тройка похожих бросается на меня. Желтокожий человечек остаётся позади.

Они сговорились: уже бывали такие случаи. Тогда я поступаю просто. Они не представляют устройства моей кобуры.

Не вынимая дробовик, я стреляю прямо с бедра: кобура держится на шарнире. Дыра в груди первого размером с бильярдный шар. Второму выстрел разносит ногу, он падает. Третий застывает на месте.

– Я буду драться, – говорит он.

– Поздно.

Я вынимаю дробовик, передёргиваю затвор и сношу ему голову.

Желтокожий смотрит на меня молча. Я убираю дробовик. Второй брат отползает в сторону, за ним тянется кровавый шлейф.

Человечек опасно подходит.

– Ну что же ты?

Я улыбаюсь. Он бросается на меня и получает страшный удар в живот. Скрючившись, он лежит на земле. Я нагибаюсь и чётким ударом в висок добиваю его.

– Ещё, – спрашивает Пантера?

– Позже. Я хочу потолковать с тем узкоглазым.

– Только не называй его так.

– И как мне его называть?

– Он просил называть себя Киронага-сан.

– Ну, хрен с ним. Пусть будет так.

Ловлю на себе восхищённый взгляд Катины.

Выхожу из загона. Снова всё та же картина: тренировки, возведение препятствий и декораций, только теперь я вижу всё это двумя глазами. Где-то раздаётся львиный рык.

Останавливаю гладиатора по имени Тень, тонкого, почти хрупкого, но очень ловкого.

– Где найти Киронагу?

– Он сегодня не появлялся. Наверное, в деревне.

– Точнее.

– Спросите там, господин Риггер, я не знаю.

Иду к выходу. Слышны крики Пантеры: он кого-то отчитывает.

На выходе снова стоит Монгол.

– Слушай, Монгол, – говорю я, – почему ты всё время ни хрена не делаешь?

– Должен же кто-то охранять ворота, – спокойно отвечает он.

Подхожу в упор и смотрю в его чёрные глаза.

– Никто не должен охранять ворота, Монгол. У тебя есть определённые обязанности, за которые ты получаешь свои деньги. В эти обязанности входит обучение неопытных гладиато-

ров обращению с алебардой. Я уже полторы недели не видел тебя за работой. Если завтра это повторится, я отрежу тебе член и заставлю его сожрать. И так каждый день. Понял?

Монгол спокоен, как всегда.

– Да, господин Риггер.

Иду прочь.

Деревушка вокруг амфитеатра совсем маленькая. Через неделю, когда начнутся игры, она вырастет: появятся торговые ряды; кто-то из деревенских уже пристраивает к своим домам дополнительные комнаты, чтобы их сдавать.

Я останавливаю женщину с кувшином на голове. Она некрасивая, очень худая.

– Не знаешь, где живёт узкоглазый?

– У Марьяны. Это вон там, – она показывает на один из домов.

Иду к дому.

Обычный деревянный дом, на широкой террасе – море цветов. Поднимаюсь по ступенькам, захожу внутрь. В передней пусто и темновато: окна увиты плющом.

Прохожу дальше. Никого. В третьей комнате – тоже. Слышу звуки на заднем дворе. Нахожу дверь, оказываюсь снаружи.

Посреди двора стоит Киронага. У него в руке – катана. Вторая катана – в руках у светловолосой женщины. Киронага учит её правильно обороняться.

– Киронага-сан! – говорю я.

Они оборачиваются. У женщины в глазах испуг. Я пару раз спал с ней. Один раз я затолкал её голову в печь, когда у меня было плохое настроение.

– Господин Риггер! – Киронага изящно кланяется.

– Нам нужно потолковать.

– Не спорю, – говорит Киронага. – Я за этим и приехал, потолковать с вами, а вы на меня просто набросились, не дав и слова сказать.

Я так и знал, что он не наниматься приехал. Уж слишком благородные у него манеры и одежда изысканная. Слишком хорошо он фехтует.

– Марьяна, мы продолжим чуть позже, – обращается он к женщине. – Нам с господином Риггером есть о чём поговорить наедине.

Марьяна кивает, отдаёт ему катану и идёт мимо меня в дом. Я подбадриваю её смачным шлепком по заднице.

Жестом Киронага приглашает присесть на лавочку в дальнем конце двора. Идём туда.

Киронага садится, его одежды задираются, и я вижу, что у него двое ножен – справа и слева. Он аккуратно вставляет вторую катану в левые ножны.

– Я слушаю вас, – говорю я.

Если Киронага приехал сюда, чтобы поговорить со мной, пусть говорит первым.

– Господин Риггер, я сразу перейду к делу. Я состою на службе Императора.

Я так и знал.

– Но суть не в этом. Суть в том, что вы – великий боец. Вы из тех, кого называют берсерками.

– Как?

– Это слово пришло с севера. Берсерки непобедимы. Они не боятся боли, это совершенные воины, любой из них в одиночку может разметать целую армию. Берсерком нельзя стать. Нужно им быть.

– И что?

– Вы сильнее всех в провинции Санлон.

Я нечасто употребляю настоящее имя Жирного, поэтому не сразу даже понимаю, что речь идёт о моей провинции.

– Берсерков очень мало, – продолжает он. – Один на несколько тысяч воинов. И один берсерк стоит тысячи.

– Вы хотите предложить мне работу? – спрашиваю я.

Киронага усмехается.

– Можно сказать и так. Я знаю, что вы вольны покинуть наместника Санлона в любой момент, и он не сможет вас удержать. Так вот, Император собирает войско, чтобы идти войной на Империю Фаолан.

Империя Фаолан вдвое больше нашей империи. Если не втрое. Она просто задавит нас количеством. Войны в условиях бессмертия долгими не бывают.

– Это глупо.

– Это мудро, – возражает Киронага. – Фаолан не готова к войне, а населению провинций безразлично, под чьим началом жить – будь то наш Император или их. Они соберут войско больше нашего – но наш Император мудр. Он уже несколько лет создаёт организованный отряд берсерков. Отряд, который стоит всей армии Фаолана.

– И сколько берсерков он набрал?

– Двадцать четыре.

– Какова численность армии Фаолана?

– Приблизительно шесть тысяч человек.

– А нашей?

– Около трёх тысяч.

Я смеюсь.

– Хорошо, – говорю я. – А если у Фаолана тоже есть берсерки...

– Нет, – отвечает Киронага. – Даже если и есть, они не организованы, и их гораздо меньше. Император борется за каждого берсерка в своей армии. Вы, господин Риггер, наверняка один из лучших.

– Проверим это, – я встаю.

Киронага также поднимается. Он достаёт обе катаны, протягивает одну мне. Я отстёгиваю кобуру, аккуратно кладу её на скамью. Мы выходим в центр двора. Из окна дома смотрит Марьяна.

Я знаю, что сказать.

– Если ты меня побеждаешь, я иду с тобой.

– Хорошо.

В его глазах – лёд. Почему-то мне кажется, что он сильнее меня. Я отгоняю эту мысль: я никогда себе такого не позволял.

И тут Киронага бросается в атаку. Он раздваивается, растраивается, становится расплывчатым и невидимым. Его меч мелькает со всех сторон: кажется, что у него тысяча рук, и в каждом по катане. Я едва успеваю отбивать его атаки, не говоря уже о каком-либо нападении. Постепенно я привыкаю к ритму Киронаги и начинаю искать лазейку в его движениях. Я ловлю его на том, что при верхнем ударе справа он на долю секунды оставляет открытой ногу, и сразу после парирования я могу ударить его по бедру. Я выдерживаю время, а потом осуществляю манёвр.

Мой меч проходит мимо. Киронага увёртывается и бьёт меня ногой в пах, я сгибаюсь, и к моей шее прижимается меч.

– Нет, Риггер, ты слабее. Сейчас ты слабее. У тебя – дар. Но этот дар нужно развивать на более сильных противниках, чем твои гладиаторы.

Он прав.

– Убери меч. Я признаю поражение.

– Мы едем завтра утром. Будь готов.

Я разгибаюсь.

– Только мы?

– Только мы, Риггер. У берсерка не может быть привязанностей.

Вот в этом он ошибается. Эта ошибка может стоить ему жизни – но позже.

Я смотрю в его раскосые глаза, потом беру кобуру, разворачиваюсь и ухожу. Марьяна стоит у окна. Уже сегодня все будут знать, что Риггер проиграл бой. Поэтому, зайдя в дом, я направляюсь к ней. Катана Киронаги у меня в руке. Марьяна пытается защититься руками, но я перерубаю тонкие запястья и рассекаю ей череп. Теперь о моём позоре узнают только завтра – уже после моего отъезда.

* * *

Во дворе усадьбы всё как обычно. Снуёт быдло, Болт сидит у колодца, Мормышка носится туда-сюда по мелким поручениям. Тяжело быть лилипутом.

Я зол. Я сейчас очень зол. По мне это видно. Болт, заметив меня, тут же куда-то исчезает. Партизан принимает коня, потупив глаза. Пузан скрывается в недрах кухни. Быдло расступается передо мной. На моём пути оказывается Голова-с-Плеч. Он худой и невысокий, но зато профессионал высокого класса. Никто так не разбирается в пытках, как он. Я его ненавижу.

Он оборачивается слишком поздно. Я бью его в живот кулаком, а потом достаю из-за пояса прут с рукоятью. Из всех щелей на меня смотрят дворовые. Голова-с-Плеч с трудом разгибается, и тут я наношу удар прутком по его голени. Нога подламывается, он с воплем падает. Я начинаю методично дробить ему кости: одну за другой, не трогая только голову. Он орёт. Он весь в крови – кровью пропиталась его красная накидка, его штаны. Один из ударов превращает его челюсть в кучу осколков. Я устаю. Оглядываюсь. Глаза – повсюду глаза.

На пороге моего дома стоит Бельва. В её глазах – слёзы. Я молча смотрю на неё, а затем последним ударом раскраиваю палачу голову. Иду к Бельве с прутком наперевес, прохожу мимо, она идёт за мной. Бросаю прут на пол, отстёгиваю пояс и сажусь на кровать.

Мне плохо. Она садится рядом, и я утыкаюсь в её пышное тело, прячусь в ней и рыдаю.

– Тебе не женщина нужна, – говорит Бельва. – Тебе нужна мать.

Она права. Иногда мне нужна женщина. Иногда – мать, которой у меня никогда не было. Бельва умеет быть и той, и другой.

Чаще всего мне нужна жертва. На эту роль годятся все остальные.

* * *

Через полчаса на пороге появляется Носорог. Я уже в порядке. Просто сижу на стуле и смотрю на Бельву. Носорог говорит:

– Жирный тебя видеть хочет.

Тяжело поднимаюсь и иду. Причина понятна.

Жирный ждёт меня на первом этаже усадьбы. Он сидит на красном диване, размещённом в стенной нише. Справа от него Кость, абсолютно голая, чего и следовало ожидать. Она омерзительна со своим болезненно худым и плоским телом. Мартилле не видно, только быки по бокам дивана.

– Ну, рассказывай, – говорит Жирный.

Молчу.

– Зачем опять Голову обидел?

Молчу.

– Зачем в деревне кровавую разборку устроил?

Молчу.

– Сейчас, Риггер, ты пойдёшь в каземат. Две недели отдохнёшь, подумаешь о своих провинностях. Ну и знаешь, лучше сам иди. А то как в прошлый раз...

В прошлый раз меня расстреляли из арбалетов и отнесли в каземат мёртвым. Просыпаться утром на мокрых камнях – не самое большое удовольствие.

Но сегодня мне это безразлично.

– А пошёл ты... – говорю я и ухожу.

Один из быков хватается меня за руку, я выкручиваюсь и вбиваю ему нос внутрь головы. Бык, захлебываясь кровью, падает. Второй бык напрыгивает на меня, я выхватываю прут и перебиваю ему ноги. Кость визжит. Прут вонзается ей в правый глаз, она падает.

– Ну, знаешь... – Жирный ревёт и вскакивает.

В его руке – портативный арбалет. Он не успевает выстрелить: я прутом ломаю ему руку, а потом разбиваю голову.

– Сука, – бросаю я и иду к выходу.

Что-то холодное бьёт меня в район печени. Оглядываюсь: бык с переломанными ногами держит арбалет. Иду к нему, не взирая на боль в спине. Он выпускает вторую стрелу. Будь это лук, я бы поймал. Арбалет – нет. Стрела пробивает мне плечо. Продолжаю идти. Арбалет четырёхзарядный, с самовзводом. Третья стрела попадает в лёгкое.

Ноги подгибаются. Мир мутнеет. Тишина.

* * *

Открываю глаза. Больно. Кажется, я не в своей постели.

Я вишу на стене в пыточном подвале Жирного. Руки прикованы цепями, ноги не достают до пола. На них – тоже кандалы, врезанные в камень. Пыточный подвал – это редкое место в усадьбе, где стены – каменные.

Жирный стоит передо мной. На его лице – довольная усмешка.

– Всё, Риггер. Вчера ты доигрался. Следующую неделю я буду с радостью тебя пытаться. А потом – в каземат. На полгода, не меньше. Может, образумишься наконец.

За спиной Жирного – Носорог, Лосось, Болт, Мартилла, два быка и Голова-с-Плеч. Голова в представлении будет играть главную роль, но пока что он в тени.

Я гордо молчу. Корчу презрительную рожу.

Жирный оборачивается к Носорогу.

– Дай-ка факел.

Носорог протягивает ему факел. Хороший, качественный, горит чисто, почти не дымит. Голова-с-Плеч выходит вперёд. Он облачён в уродливый балахон с капюшоном. Под балахоном его тщедушная фигурка кажется ещё меньше.

Жирный тычет факелом мне в промежность. Больно, я ору.

– Больно, да? Это так, для разогрева. Сейчас Голова с тебя кожу снимать будет. Медленно. А я прижигать буду, чтобы кровью не истекал, ага...

Он так смакует каждое слово, что мне становится тошно.

– Ты, Риггер, должен осознавать свою вину. И свою заменимость, – Жирный продолжает философствовать. – Ты думаешь, без тебя гладиаторов не отберут?

Он дотрагивается факелом до моей ноги. Я осознаю, что на мне нет никакой одежды. Волосы на ноге горят, это очень больно, я дёргаюсь.

– Да, Риггер, это неприятно. Помни, Риггер, следующая неделя тебе простой не покажется.

Лосось выходит из помещения, Носорог – за ним. Болт смотрит на меня внимательно. В его глазёнках я читаю торжество. Мартилла глядит с интересом. Она любит пытки.

Жирный говорит:

– Давай, Голова. Начни с ноги.

В руке у Головы – скальпель. И ещё какой-то странный инструмент, похожий за зажим.

– Смотри, – говорит Голова. – Вот этим делают надрез. – Он поднимает скальпель. – А вот этим, – он поднимает зажим, – накручивают кожу, чтобы снимать её пластом, а не лохмотьями.

Жирный улыбается. Голова и Мартилла – тоже. Суки. Уроды. Как только я освобожусь, всем устрою кровавую баню. Мартиллу изнасилую дубиной с шипами.

Только быкам Жирного всё до фени. Они просто стоят сзади и тупо смотрят, без всякого выражения.

В ноге боль – это Голова делает надрез. Я дёргаю ногой, но кандалы держат крепко. Боль пульсирует, распространяется снизу вверх, пронзает каждый нерв. Я почти теряю сознание, всё вокруг горит. Голова поднимает повыше окровавленный зажим с висящим на нём лоскутом кожи длиной сантиметров тридцать. Тут же боль продолжается, но уже другая: Жирный водит по ране горящим факелом.

– Воды, кстати, принеси, – говорит Жирный одному из быков. Тот выходит.

– Болит ножка? – говорит Жирный. – А ты думал, что такой неуязвимый, да?

Молчу, сжав зубы. Боль безумная.

Тут же боль снова начинает пульсировать и распространяться, только теперь от правой ноги. Дёргаюсь, но ничего не могу поделать. Процедура повторяется: Голова поднимает лоскут, Жирный прижигает рану.

– Давай-ка мы с живота немножко снимем, – говорит Жирный.

Голова с ехидной усмешкой делает прокол и начинает аккуратно срезать кожу с живота. Это больнее, чем нога, во много раз.

Жирный приговаривает:

– Да, Риггер, не так всё и просто...

Мартилла блюёт в углу. Да, сука, а ты думала получить от этого удовольствие?

Болт хладнокровен. Быки тоже. Тот, которого послали за водой, уже вернулся с двумя огромными вёдрами.

– Смотри, как плещется, – говорит Жирный, умывая лицо. – Но сегодня ты у нас будешь дружить с другой стихией.

И снова поднимает факел.

Что происходит дальше, я помню урывками. Помню жуткую боль в паху: кажется, меня оскопили. Помню, как дробят пальцы, а потом отрезают. Помню, как мне показывают что-то страшное. Я не понимаю, что это, меня поливают водой, и тогда до меня доходит, что это зеркало. А в зеркале – окровавленный огрызок человека, живой только благодаря искусству палача.

Потом я окончательно отрубаясь.

* * *

Новый день начинается так же, как и вчерашний. Воспоминания о боли всё ещё живут во мне. Я прикован к стене в том же самом подвале. Темно. С потолка капает вода. Осматриваю себя, насколько могу: всё в порядке. Весь пол измаран кровью. Прямо передо мной на полу лежит отрезанная человеческая рука: наверное, моя.

Дверь открывается. На пороге – Жирный, за ним – быки и Лосось.

И Киронага.

Подходят, молча рассматривают меня.

– Что ж, – нарушает молчание Жирный. – Ты представляешь, Риггер, как тебе везёт? Тебя хочет забрать сам Император. Господин Киронага – его полномочный представитель.

– Мы знакомы, – говорит Киронага.

Он подходит ко мне и смотрит прямо в глаза.

– Господин Риггер, мы договаривались уехать вчера. Но вчера вы не пришли. Узнав обстоятельства вашего отсутствия, я предпочёл разрешить конфликт между вами и мессиром Санлоном своими методами. Так что сейчас мы вас освободим, вы пойдёте за мной, аккуратно соберётесь, никого не трогая, и мы тронемся в путь. Лошади уже готовы. Вы согласны?

Отворачиваюсь с видом «а что остаётся делать?».

– Вот и прекрасно. Отпустите его.

Жирный стоит позади с напряжённым выражением лица. Он знает, что если я сорвусь, то снова будет литься кровь, причём уже не моя.

Но я не сорвусь. Потому что я безоружен, а Киронагу мне не удалось победить даже с оружием в руках.

Голова опасливо отцепляет ноги – я повисаю на руках, затем руки. Я разминаю затекшие конечности.

– Пойдёмте, господин Риггер, – говорит Киронага.

Лосось протягивает мне длинную рубаху. Надеваю её через голову, чтобы не щеголять голым задом по двору.

Иду за Киронагой. Голове показываю жест: провожу пальцем по горлу.

Лосось провожает меня взглядом.

Мы выходим. Киронага и я. Остальные остаются внизу. Мы поднимаемся через люк на первый этаж усадьбы, затем оказываемся во дворе. У конюшни стоит огромный чёрный конь. Такой стоит целое состояние.

– Да, это хороший конь, – говорит Киронага, заметив мой взгляд.

Он идёт рядом со мной, затем останавливается.

– Риггер, у тебя, – он снова переходит на «ты», – двадцать минут на всё про всё. Собираешь самое необходимое.

– У меня есть только один вопрос, – хрипло говорю я.

Я впервые за два дня нарушаю молчание.

– Да?

– Когда я смогу вернуться?

Киронага усмехается.

– Если повезёт, то через пару лет. Если не повезёт – никогда.

Я не понимаю этого ответа. Когда-нибудь я всё равно вернусь. Бессмертие делает невозможное возможным. Можно ждать сто лет и вернуться. Можно – двести.

Иду к колодцу. Болт здесь. Он смотрит на меня и подаёт уже набранное ведро. Окатываюсь холодной водой, она стекает по мне ручьями, смывая пот и кровь. Ещё ведро, ещё ведро. Быдло пялится из всех углов. Плюю на всех, снимаю рубаху. Ещё ведро, оттираю себя от мерзости. Болт отходит на несколько шагов. Я понимаю его.

Надеваю рубаху и иду к своему дому. Меня провожают взглядами. Я чувствую, что в них нет страха. Ненависть – да. Страх – нет.

Бельва в комнате. Она что-то вяжет. Это шарф. Тёплый шарф. Она вяжет его уже два месяца.

Она поднимает на меня глаза. Я молча стою и смотрю на неё.

– Ты очень красивая, – говорю я ей.

– Ты вернёшься?

Откуда она знает? Впрочем, любой слух распространяется тут с огромной скоростью. Может, Марьяна услышала и рассказала кому-нибудь, и всё: никаких больше тайн.

– Да, – говорю я. – Конечно, вернусь.

– Я буду тебя ждать.

– Я знаю.

Я иду в оружейную. Дробовик тут: я не брал его к Жирному на разборку. А вот семи-хвостки, кнута и прута – нет.

Надеваю бельё: оно хранится на полках: панталоны, рубаху. Поверх – кожаные штаны с отверстиями, чтобы кожа дышала. Жилет с отделениями для разной мелочи.

Надеваю походный ремень. Это массивная кожаная штука, на которую можно навесить всё, что угодно. Сверху надеваю широкий пояс для метательных ножей. Укрепляю в ножнах меч. Пристёгиваю кобуру с дробовиком. Пакую патроны: сколько увезу. Часть укладываю в сумку: повешу на седло.

Обматываю ноги тряпичным бинтом. Надеваю мягкие мокасины.

Риггер готов.

Заходит Бельва, протягивает небольшой узел.

– В дорогу.

Кладу узел в сумку. Кроме него, в мешке патроны, несколько ножей, трут, огниво, всякая мелочь, которая может пригодиться в пути.

– Спасибо.

Я не увижу её несколько лет, думаю я. Если верить словам Киронаги.

И я обнимаю её, и она меня, и она плачет, плачет, потому что она – единственный человек во всём этом хреновом мире, который любит меня. Любит по-настоящему.

А я не плачу. Потому что я – Риггер. Я не имею права плакать, по крайней мере, сейчас.

А потом я отрываюсь от Бельвы, от её большого мягкого тела, от её пушистых волос, от её веснушек, от её серых глаз, и ухожу. Киронага ждёт меня снаружи.

Он стоит, как истукан, руки сцеплены за спиной, плащ с обеих сторон оттопырен ножами. Я прохожу мимо – к конюшне. Партизан приготовил мне коня – рыжего. Мне, в общем-то, безразлично: Жирный плохих коней не держит.

Когда я выезжаю на улицу, Киронага ждёт у ворот. Он великолепно смотрится в седле. Он действительно красив – насколько я могу оценить мужскую красоту. Бельва стоит у двери нашего дома. Теперь это – её дом. На самом деле, сейчас во дворе собрались все. Они рады, я думаю. Болт и Голова счастливы. Мормышка дотрагивается до своих ушей, будто не верит, что уже никто не будет отрезать их для развлечения.

К лошади подходит Лосось. У него в руках – семихвостка, кнут и прут.

– Держи, – говорит он.

Я чуть не забыл про них.

– Спасибо.

Киронага трогает коня, и я еду за ним.

Но всё это мелочи. Потому что я вернусь. И уж тогда я поотрезаю уши всем, кому захочу. Потому что я – Риггер.

Глава 2. Дорога

Мы неспешно едем в противоположную от амфитеатра сторону. Мне жаль, что я не увижу очередных боёв и не смогу принять в них участие. Интересно, сколько талантливых бойцов в тех трёх клетках, которые я не успел обработать. Пантера справится. Но насколько качественной будет его работа, я не знаю. Я всё делаю лучше. Лучше всех.

Меня потрясает то, как Киронага держит себя, как выглядит, как сидит на лошади. Он как будто прибыл из другого мира. Мы едем по просёлку, а на его чёрной одежде – ни пылинки, короткая причёска аккуратна и ухожена, бока его лошади лоснятся и блестят.

– Расскажи мне подробнее, Киронага.

Он усмехается.

– Что тебе интересно знать?

– Двадцать четыре воина, даже самых лучших – это ничто против нескольких тысяч.

– Сколько человек ты можешь убить за день, Риггер?

– Не знаю.

– Ну, сколько ты убивал – максимум?

Я вспоминаю. Двоих-троих в день – это нормально. Максимум, наверное, около пятидесяти.

– Пятьдесят.

– Если каждый из двадцати четырёх убьёт по пятьдесят врагов за день, получится больше тысячи. А если по сто?

– Я убивал неопытных воинов в таком количестве.

– Просто ты пока что не знаешь, что такое берсерк. Ты, Риггер, – материал. А вот я уже – берсерк. Ты не смог нанести мне ни одного удара. Никто не может нанести мне ни одного удара. Ты научишься не пропускать ударов и тогда станешь непобедимым. Таким же, как я. Ты будешь убивать по сто врагов в день. По двести врагов в день.

Я думаю. Он, будто уличный торговец, расписывает мне прелести своего товара – моей предстоящей жизни. А ведь никаких прелестей не будет. Не будет Бельвы. Не будет Болта, которого можно спустить в колодец. Не будет Мартиллы, которую можно зажать в каком-нибудь углу. Не будет Пантеры, который всё-таки, наверное, мой друг. По крайней мере, я почти никогда с ним не дрался.

– Просто, – говорю я, – я еду с тобой, потому что я человек слова. И потому что я не могу стерпеть то, что кто-то может победить меня. Как только я научусь тому, что умеешь ты, я покину и тебя, и твоего Императора. Ты должен это понимать.

– Ты принесёшь клятву верности. Тогда и станет понятно, человек ты слова или нет.

Меня коробит от его тона.

– Я не буду приносить никакую клятву. Я могу прямо сейчас развернуться и уехать.

– И под пытки? В каземат?

Мне становится смешно.

– Ты думаешь, я не выдержу пыток?

Я ставлю его в тупик. Он не так умён, как выглядит. Он думает, что я еду с ним, чтобы сражаться за Императора.

– Это не только мой Император. Это и твой Император.

– Единственный мой Император – это я сам.

– Тогда что ты делаешь на службе у Санлона?

– Ты когда-нибудь пробовал вообще ничего не делать? Просто сидеть и маяться от безделья?

Он смотрит на меня и ждёт продолжения.

– Так вот, – говорю я. – Мне нравится то, что я делаю у Жирного. То есть у Санлона. Мне нравится, что меня все боятся. Мне нравится драться с гладиаторами и обучать их. Поэтому я вернусь к своей жизни, как только сочту это нужным. И ещё. У Жирного нет человека вернее, чем я.

Киронага молчит.

Дальше мы едем молча.

* * *

Деревня достаточно велика – около сотни дворов. Два всадника в боевом облачении – диковинка. Мужчины и женщины осматривают нас со всех сторон, что-то говорят. Невысокий мужчина в коричневой безрукавке из овчины оказывается прямо перед моей лошадью. Я рефлексивно пускаю коня вскачь, чтобы затоптать быдло: наука на будущее. Киронага молниеносно протягивает руку и хватает моего коня за повод, не пуская его вперёд.

– Нельзя, – говорит Киронага.

Я злюсь. Если я хочу убивать, я убиваю. Я выхватываю кнут и бью Киронагу, тот пригибается, кнут свистит по воздуху, но узкоглазый вынужден отпустить руку. Я скачу вперёд, лошадь грудью сбивает невысокого мужичка, копыта дробят его тело. Я разворачиваюсь и смотрю по сторонам.

Женщина в белом платье смотрит испуганно.

– Ты чего? – спрашивает детина в холщовой рубахе, идя на меня. В его руках – коса.

Первым щелчком хлыста я выхватываю у него косу, вторым – попадаю железным набалдашником точно ему в переносицу. Обливаясь кровью, детина садится на землю. Спрыгиваю с коня, иду к нему.

Спиной чувствую движение, разворачиваюсь и рукоятью кнута парирую удар катаны. Киронага бьёт плашмя, чтобы оглушить, а не порезать. Выхватываю меч. Нам предстоит снова сразиться. И я даю себе слово: если я побеждаю, то возвращаюсь обратно.

Обоюдоострый прямой меч привычнее катаны, и мы сражаемся на равных. Киронага быстрее меня: он вьётся ужом, и я с огромным трудом парирую его быстрые скользящие удары. Но я – сильнее, и каждый мой удар, попадающий в цель, оставляет след на его мече. Народ собирается вокруг. Краем уха я слышу что-то вроде «ставлю на узкоглазого». Они делают ставки. Что же, нельзя их разочаровывать.

Парирую очередной удар и выхватываю один из метательных ножей. Жаль, я не ношу кинжала, но это тоже сойдёт. Киронага увёртывается от броска и достаёт вторую катану. Раз я мухлюю – значит, ему тоже можно: это справедливо.

Второй ножик летит в толпу, кто-то хрипит, схватившись за горло. Две катаны парировать одним мечом невозможно. Выхватываю прут, но он слишком тяжёлый: им можно раскроить череп, но орудовать быстро и мастеровито крайне трудно. Правая катана Киронаги отсекает мне руку с мечом чуть выше кисти. Я отскакиваю назад.

Киронага тяжело дышит, но его волосы даже не растрепались. Одежда – аккуратна. Пыли нет даже на мягких чёрных туфлях.

– До заката три часа. Мы можем дождаться рассвета, если ты не готов двигаться в таком состоянии, – говорит он.

Я бросаю прут. Из культи струится кровь.

* * *

Я лежу на сене и смотрю в бревенчатый потолок. Рука перетянута жгутом и перевязана. Я уже не чувствую её ниже локтя. Главное – не забыть снять жгут вечером. Перед тем, как Киронага меня добьёт.

Мы решили не ехать сегодня. Меня положили на сеновале около дома старосты. Мужчина, которого я затоптал – местный юродивый, никто о нём не сожалел. Дитина, получивший хлыстом, сам виноват. Так сказал староста. Я понимаю, почему он так сказал: он боится.

Киронага – на другом сеновале. Если я не ошибаюсь, не него клюнула какая-то белобрысая девка из быдла.

Дверь со скрипом приоткрывается. Заходит мужчина со светлыми волосами и массивной нижней челюстью. Он немного похож на дитину, вступившегося за юродивого, но в этом мире нет родственников. Просто такой же тип лица.

– Господин, – робко говорит он, – можно с вами поговорить?

– Говори.

Он подходит ближе.

– Господин, вы ведь едете к Императору, так?

Киронага не умеет держать язык за зубами.

– Это тебе узкоглазый сказал?

– Он рассказал старосте, а уж староста от нас ничего не скрывает.

Да уж, другого я и не ожидал.

– Да, к Императору.

– Господин, я хочу в императорское войско. Сколько себя помню, в этой глуши живу. Хочу хоть на войне побывать.

– ...мир посмотреть, – в тон ему добавляю я.

– И это тоже, – он не понимает иронии.

– Ты хочешь, чтобы мы взяли тебя с собой?

– Да, господин.

– А баба твоя против не будет?

– Нет, господин. Она меня дожидаться обещала.

Слуга в дороге – не помеха. Второй день едем всё-таки.

– Хорошо. Тогда будет тебе задание. Пройдёшь – возьмём.

– Всё, что угодно, господин.

Не пройдёт – не возьмём. Всё просто. Гладиаторов отбирают одним способом, а солдат – другим. Когда-то я отбирал солдат. Крестьяне-добровольцы приходили и просились в солдаты десятками. Их ставили строем и приказывали убить соседа. Больше половины не решалось – хотя знали, что через несколько часов сосед проснётся живым и здоровым.

– Видишь? – показываю культю.

– Да.

– Если я сегодня просто засну, то завтра буду с этой же культей. Значит, мне нужно умереть. Правильно?

– Правильно, господин.

Я протягиваю ему меч.

– Добей.

У него начинают трястись руки.

– Прямо...сейчас?

– Да. Убей меня. Прямо сейчас.

Он встаёт.

Парень держит меч неуклюже, наверное, впервые. Хотя мне кажется, что каждый в этом мире умеет держать меч. Просто некоторые этого ещё не знают.

Он заносит меч.

– Так ты меня только ранишь. Ты должен убить меня одним ударом.

Я думаю, что Киронага справился бы отлично. А Голова-с-Плеч придумал бы что-нибудь оригинальное. Но от этого деревенского парня я ничего не жду.

Он опускает оружие.

– Я не... я не могу... беззащитного человека...

Я смеюсь.

– Я сейчас могу встать и свернуть тебе шею, прежде чем ты успеешь сделать хотя бы одно движение. Неужели ты и впрямь думаешь, что я беззащитен?

Он заносит меч, теперь уже собираясь не рубить, а колоть.

– Коли сюда, – показываю ему точку на груди. – И не так, а чуть боком, чтобы меч прошёл между рёбрами.

Он поворачивает клинок так, как я сказал.

– Давай.

Я закрываю глаза. Секунда, две, три...

Он решается. Мгновенная боль в груди – и пустота. Последняя мысль: «Из парня выйдет толк».

* * *

Мы отбываем втроем – я, Киронага и Фарка, так зовут нашего нового попутчика. Киронага легко согласился с присутствием третьего человека. Я ещё вчера заметил, что он нуждается в слуге. Почему он не ездит со своим слугой, он не объяснил. Но кто-то же должен стирать его чёрную одежду, полировать катаны и ухаживать за конём. Это не господская работа.

Женщина Фарки снабжает нас запасом еды для трёх человек на несколько дней. Крестьянская лошадёнка едва тянет свою поклажу.

По дороге расспрашиваю его о местности.

– Разбойники тут водятся?

Мне хочется подраться. С Киронагой драться что-то не тянет – до поры до времени.

– Да, господин. К вечеру подъедем к лесу, там водятся. Грабят всех подряд. Поэтому мы перед лесом заночуем у Альды, это вроде как сестра мне названная, давно дружим, а днём через лес поедем.

У меня совсем другие планы. Я хочу поехать через лес именно ночью. Я хочу, чтобы на нас напали. Мне кажется, что Киронага хочет того же. Но Фарке об этом знать рано.

– Ну, – говорю, – Расскажи мне про местных разбойников.

– Это атамана Булки банда. Булкой его прозвали за то, что в своё время хлеб воровал, когда неурожаи были. И перепродавал втридорога. А потом, как в хлебе недостатка не стало, на большую дорогу вышел. У него банда человек в тридцать.

– Вооружены?

– Точно вооружены. Булка иногда на окрестные деревни набеги делает. До нашей не добирался, долго ехать, а вот на ту, где Альда живёт, нападал. У них огнестрелы, как у вас, господин Риггер.

Огнестрелы – это плохо. Можем вдвоём не справиться. Пара случайных пуль – и всё. Завтра проснёмся голыми, без вещей и денег, а разбойников ищи-свищи.

– Не беспокойся, справимся, – говорит Киронага.

Откуда он узнал мои мысли? Впрочем, неважно. Фарка думает, что реплика Киронаги обращена к нему, но мне кажется, что – ко мне.

Фарка бледнеет.

– Вы хотите напасть... – он недоговаривает.

– Мы поедем через лес ночью, – говорит Киронага.

Я никогда не думал, что смогу «работать в паре».

Меня волнует другое. Неожиданно я понимаю, что Киронага – не просто отличный боец, сильнее меня. Я понимаю, что Киронага – такой же, как я. Точно такой же. Он хочет убивать, просто его манеры, его стиль жизни не позволяют ему убивать просто так. Поэтому он вынужден искать предлог. Мне предлог не нужен.

Я перевожу разговор на другую тему.

– Кроме разбойников, есть тут на что посмотреть?

Фарка думает.

– Ну, нет, наверное. Там, дальше, недалеко от города будет большая башня, а до того – ничего особенного.

– Что такое большая башня?

Тут Киронага перебивает собирающегося ответить Фарку.

– Ты никогда не ездил в эту сторону?

– Последние лет двести – нет.

– А-а... – Киронага умолкает.

Фарка молчит, не зная, можно ему говорить или нет.

– Говори, – я обращаюсь к нему.

– Её лет сто назад построили. Это огромная штука такая из дерева – наблюдательный пункт, с которого всю округу видно. Три года строили, говорят. Я один раз сам видел, когда в город ездил.

Мне приходит в голову, что у него, у Фарки, в распоряжении вечность, а он в городе был всего один раз. Три дня потратить из вечности – не стоит ли это того? Потом я понимаю, что я – такой же. Мне надо потратить чуть больше времени. Чуть больше времени из вечности.

Дорога очень скучна. Ничего не происходит, ничего не меняется. Я чувствую, как во мне закипает злость. Мне срочно нужно её на кого-то выплеснуть. Надо было взять с собой Болта. На Фарку у меня не поднимается рука, потому что он нужен для других целей, да и Киронага не позволит.

С каких это пор я думаю о том, что кто-то может мне чего-то не позволить?

* * *

Ближе к вечеру мы прибываем в деревню, где живёт названная сестра Фарки. Уже темнеет. Окна светятся, а на улице – никого.

– Где все? – спрашиваю я.

– Разбойников боятся, – отвечает Фарка.

Проезжаем через всю деревню. Предпоследний дом – очень большой, из двух этажей, почти усадьба.

– Здесь.

– Хороший дом отгрохали.

– Пятнадцать человек живёт.

Фарка стучит в дверь. Окна горят, но никто не открывает. Фарка стучит сильнее и орёт:

– Это я, Фарка. Альда, открой!

За дверями – шевеление. Через некоторое время дверь приоткрывается. В проёме – округлое женское лицо, напоминающее луну.

– Фарка?

– Да я, я. И двое друзей моих.

Быстро он в друзья нас записал. Отрежу ему яйца, сразу забудет свои слова.
Альда приоткрывает дверь чуть шире.

– Друзей?

– Не бойся, люди благородные. Нам бы только на ночлег – на одну ночь...

Киронага выступает из тени.

– Не нужно нам ночлега, добрая женщина. Мы подкрепиться только, да отдохнуть с дороги. Через пару часов дальше поедем.

На лице Альды – ужас.

– Куда поедете?

В этот момент мне приходит в голову странная мысль. Почему дверь открывает женщина? Есть ли в доме мужики – на пятнадцать человек-то?..

Киронага спокоен.

– В лес поедем. Разбойников придушим немножко.

Альда отступает вглубь дома.

Фарка открывает дверь, жестом приглашает нас внутрь. Сам идёт и берёт под уздцы наших лошадей, куда-то их уводит. Киронага проходит первым, я – следом. В огромных сенях Альда одна. В соседней комнате слышится какое-то стрекотание: швейный станок или прялка.

Альда держит руки сцепленными на груди, неловко, будто молится.

– Пойдёмте, – говорит она и идёт в одну из дверей – налево.

Следуем за ней. Оказывается в обширной кухне. Маленькая женщина в смешном белом чепце строга салат. Проходим через кухню, оказываемся в комнате с длинным деревянным столом. Наверх ведёт винтовая лестница. Кроме стола, в комнате – стулья, комод, в общем, много мебели. Мебель недешёвая, совсем не похожая на обстановку обычного сельского дома.

– Тут, – Альда показывает нам на скамью, стоящую вдоль стола, и выходит.

– Что-то тут не так, – говорю я.

– Всё тут так, – говорит Киронага. – Это публичный дом.

Я хмурюсь.

– Не понимаю. Зачем в глуши публичный дом?

– Если есть разбойники, значит, дорога оживлённая. Значит, ездят богатые купцы, мастера-толстосумы, солдаты. Почему бы не быть придорожному публичному дому? Альда, похоже, хозяйка.

Киваю. Киронага прав. Он продолжает.

– Они, наверное, ещё одежду шьют. Посуду делают. Кормят путников, а может, и на продажу что выращивают. Что-то вроде общины.

– Наверное.

Это объясняет дорогую мебель и отсутствие мужчин.

– Их никто не охраняет, – говорю я.

– Хочешь наняться? – смеётся Киронага. – Скорее всего, они сами себя хорошо охраняют.

Появляется Фарка.

– Лошадей пристроил. За ними ухаживают.

Киронага кивает. Входит маленькая женщина, которую мы видели на кухне. В её руках – миска, окутанная паром. За ней – Альда с двумя тарелками и деревянными ложками.

– Суп, – говорит она.

И тогда меня пробивает. Я не могу так долго терпеть. Мне плевать на их грёбанный суп. Я встаю и выхожу из комнаты – мимо Альды, мимо маленькой женщины и Фарки. Киронага за моей спиной что-то говорит, но я не слышу.

Я прохожу через сени в комнату, где слышал звуки ткацкого станка.

В комнате горит камин, тут тепло и уютно. Посередине и в самом деле стоит станок, но небольшой, домашний. За ним сидит черноволосая женщина с тонкими чертами лица. На стуле

у стены пристроилась ещё одна женщина, противоположность первой: широколицая, веснушчатая.

Они поднимают на меня глаза. Мне плевать на Киронагу, да. Мне плевать на Киронагу.

Рывком поднимаю женщину из-за станка, она кричит. Бросаю на пол, задираю на ней юбку. Второй рукой зажимаю рот. Веснушчатая бежит ко мне, я успокаиваю её метательным ножом в глаз. Она падает. Черноволосая орёт. Я разрываю ей нижнюю юбку, одновременно растёгивая штаны. Бью её по лицу.

Женщина бьётся. Я спиной чувствую чьё-то присутствие. Я вхожу в неё, рвусь вперёд, она пытается отвернуться, чтобы не видеть моего лица. Позади раздаётся визг, но никто меня не трогает. Слышу какой-то треск, глухой удар, мужской рёв, наверно, это Фарка.

Я чувствую, как под моими руками трещат её рёбра. Она кричит и бьётся, я рвусь вперёд, всё происходит быстро, и я заканчиваю, и она уже почти не двигается.

Я встаю, застёгиваюсь и, наконец, оборачиваюсь.

В дверях стоит Киронага. У его ног – тело Фарки без головы. Голова откатилась в сторону. Рядом лежит окровавленная Альда, чуть позади – ещё две женщины. Подхожу к телу веснушчатой, достаю нож. Ножом перерезаю от уха до уха горло черноволосой. Иду к Киронаге, смотрю ему в глаза.

– Почему ты меня прикрыл?

Киронага отворачивается.

– Поймёшь когда-нибудь.

Он уходит. Я бросаю ему в спину нож. Он уклоняется, его рука чёрной змеей ловит нож в полёте. Он смотрит на меня.

– Ты хочешь опять?..

Я протягиваю руку. Он бросает нож. Не в меня, а мне – чтобы я поймал.

Он выходит. Выхожу в сени. У стены стоят женщины. Они смотрят на меня – окровавленного, растрёпанного.

Иду в кухню. Киронага наливает себе суп. Подхожу, беру миску, зачерпываю. Пью прямо из миски. Вкусно, хотя уже немного остыл.

– Нам нужно идти, – говорит Киронага.

– Да.

* * *

В лесу очень темно. Факелы освещают ближайшие метров двадцать. Киронага едет впереди, я – чуть дальше. Догоняю.

– Киронага...

– Да.

– Ты соврал мне.

– Насчёт чего?

– Насчёт цели нашего путешествия.

Киронага думает.

– Если я скажу, что соврал, ты развернёшься и поедешь обратно?

– Нет.

– Тогда велика ли разница? Я не соврал тебе. Я рассказал тебе не всё.

Я понимаю, что больше он ничего не скажет.

Где-то слева ухает филин. Звуки ночного леса сильно отличаются от звуков дневного. Ночью в лесу не менее шумно, но все звуки – другие.

Филин ухает справа.

– Скоро, – говорит Киронага.

Факел высвечивает человеческую фигуру. Человек одет в широкий чёрный плащ и широкополую шляпу с пером: типичный разбойничий наряд, каким его рисуют в книгах. Он стоит посередине дороги. Полы плаща распахиваются, в руках у бандита – огнестрел. Посерьёзнее, чем у меня. Многозарядный, стреляет очередями. Это очень дорогое оружие. Я слышал, что такие есть только у личной охраны Императора.

Разбойник наставляет огнестрел на нас. Он улыбается.

– До свиданья, – говорит он.

И в этот момент ему в глаз вонзается нож Киронаги, нечто вроде короткой катаны. Киронага мгновенно спрыгивает с лошади, я тоже. Раздаётся выстрел, потом ещё один. Я бросаю факел в направлении звука, он высвечивает бородатую физиономию среди деревьев. Мечу наугад один из ножей. По хрипу понимаю, что попал.

Факел Киронаги гаснет. Брошенный мной факел поджигает траву. В отблесках огня видна метнувшаяся в темноту фигура. Мне кажется, это Киронага.

Зажигается факел: это один из разбойников. Я тотчас мечу в него нож. Попадаю.

Снова темнота. Шуршание ног. Я отбегаю с дороги в лес и падаю навзничь. Кто-то пробегает мимо меня. Я подсекаю ему ноги мечом и перерезаю горло. На ощупь чувствую, что мужчина бородатый: не Киронага. Глаза начинают привыкать. Видны силуэты людей. Раздаётся крик. Только сейчас осознаю, что до того всё происходило в полной тишине.

Два разбойника стоят в нескольких метрах от меня. Слышу шёпот:

– Где они?

Мечу в одного нож. Пока второй не очухался, подлетаю и рассекаю ему живот. Достая из тела первого нож: и так уже два разбазарил.

Раздаётся протяжный свист. Почти сразу же лес освещается множеством факелов. На дороге появляется несколько всадников. Вслед за ними бегут пешие. Передний всадник освещен лучше всех. Он оглядывается и что-то спрашивает у разбойника, который подбегает к нему. Тот отвечает.

Всадник выпрямляется.

– Я – атаман Булка, – громогласно вещает он. – Я не знаю, кто вы, но вы стоите моих парней. Выходите, я не причиню вам вреда.

Я жду, что предпримет Киронага.

– Я жду! – кричит Булка.

Он не привык ждать, я так понимаю. Я тоже не привык.

Я достаю дробовик и иду через лес напролом. Булка поворачивается. Теперь я на свету. Дробовик держу наперевес. Если что, снесу разбойнику напоследок полголовы.

– Ты кто? – спрашивает Булка.

– Я – Риггер.

– Ну и что?

Я понимаю теперь, как невелика моя провинция. Как недалеко ушла моя слава. Три дня пути – и всё, ничего больше нет. Никто не знает, кто такой Риггер.

– А то, что если ты сейчас не пропустишь меня дальше, я убью вас всех, и у меня ещё останется пара часов на то, чтобы привязать к вашим ногам камни и спустить вас в ближайшую реку.

Булка смотрит на меня с недоумением. Потом разражается смехом.

– Ха-ха-ха! – он смеётся. – Ну, насмешил, да, насмешил.

Его лицо становится серьёзным.

– Во-первых, ближайшая река в полчасе езды. Во-вторых, как ты собираешься нас всех убить?

Он смотрит на меня пронзительно.

И тут появляется Киронага. Он просто влетает в толпу разбойников сзади и начинает рубить направо и налево. Булка оглядывается, чтобы понять причину шума, и тут я поднимаю дробовик и всаживаю первый заряд в Булку, второй – в его ближайшего товарища. Булке выдирает кусок печени, товарищу разносит грудь. Раздаётся очередь: это работает автоматический огнестрел. Похоже, он у них от силы один на всю банду.

Огнестрел затыкается: Киронага достал стрелка. Я мечу один нож за другим. В меня попадают из простого однозарядного огнестрела. Затем я достаю меч и начинаю сеять смерть. Противников слишком много. Я едва успеваю замечать, как убиваю. Одному сношу голову, второму пробиваю живот, третьему отсекаю руку с оружием. Четвёртый, пятый. По спине стекает кровь: кто-то рубанул вскользь. Ноги становятся ватными, рублю и колю, но разбойники всё насаждают.

Выхватываю семихвостку и размахиваю ей над головой. Толпа отступает. Кому-то крюком раздирает лицо. Начинаю вращать ниже и более целенаправленно. Кто-то пытается подставить под плётку меч, но остаётся без руки. Половина кисти болтается на крюке. Навстречу выходит рослый детина в кирасе и металлическом шлеме. Я подсекаю ему ноги, семихвостка вырывает часть икры, он с рёвом падает. Плеть цепляется за кирасу. В этот момент раздаются два щелчка.

Заношу руку за спину, нащупываю два арбалетных болта. Мир мутнеет. Падаю. Под моей рукой – чей-то огнестрел, маленький, однозарядный. Стреляю наугад. Темнота.

* * *

Открываю глаза. Я лежу поперёк лошади. Светает. Лес позади. Киронага едет на своём чёрном жеребце, поводья моей лошади прицеплены к его седлу.

– Стой, – выдавливаю из себя.

Киронага останавливается.

Я нащупываю пояс, которым пристёгнут к седлу, и сползаю с лошади. Спину немножко ломит.

– Молодец, очнулся.

Киронага выглядит отлично. Ни единой царапины, одежда – как новенькая. Вдруг обнаруживаю, что к моему седлу приторочены поводья ещё одной лошади, а за ней плетётся другая. Обе нагружены.

Киронага замечает мой взгляд.

– Я позаимствовал у разбойников пару лошадей, немного припасов и оружия.

Тут я замечаю автоматический огнестрел, укрепленный на седле Киронаги. Дорогое оружие. Очень дорогое оружие.

Запрыгиваю на лошадь. Моя семихвостка и дробовик прицеплены к седлу.

Когда он всё успел? Неужели он в одиночку положил всех остальных разбойников? И не просто положил, а ещё обчистил их. Меня осеняет.

– А погони не будет?

– Не будет, – говорит Киронага. – Точно не будет.

– Почему ты так уверен.

– Я не ошибаюсь.

Он не ошибается.

Солнце светит мне в глаза. Я прикрываю их рукой. Тишина удивительная. Вокруг – бесконечные поля. Лёгкий ветерок. Идиллия.

– Киронага, ты заговорённый?

– Заговорённых не бывает.

Я даже не знаю, что ещё у него спросить. Мы едем молча.

* * *

Мы едем ещё четыре дня. За это время ничего не происходит. Киронага старательно объезжает деревни и даже хутора. Как ни странно, во мне нет гнева. Мне не хочется никого уничтожать. Вероятно, стычка с разбойниками дала выход моей энергии с большим запасом.

Смерть – непростая штука. Кажется, что засыпаешь – и утром просыпаешься обновлённым. Но всё равно гложет какое-то странное чувство, что так не должно быть. Что есть мизерный, крохотный шанс того, что утром не будет больше мира, не будет солнца, травы и деревьев. Что смерть будет последней.

Я не помню своего прошлого. Того, которое было до бессмертия. Почти не помню.

Иногда я всё-таки вспоминаю – урывками. Мне кажется, у меня был отец. Матери не помню совсем, а вот отца – помню. Огромного мужчину с вечно чёрными от пота и грязи руками. Он работал в кузнице. Я помню, как раздуваю горн, как бью молотом, тяжеленным, чуть ли не с себя самого весом, по раскалённому пруту.

Я помню, как дерусь со сверстником, как получаю ссадину на коленке. Как ссадина заживает – долго, чуть ли не неделю.

Я помню отца мёртвым – навсегда мёртвым. Он лежит, огромный и грязный, посреди дороги, хлещет дождь, и лошадь смотрит печально-печально, точно понимает, что произошло.

Но всё это нечёткое, расплывчатое, точно сон. Если ухватишь сон за ниточку, он восстанет. Если чуть-чуть упустишь, он расколется на фрагменты и навсегда исчезнет из памяти.

Чёткость мир обретает только в день, когда я стал бессмертным. Один подонок – я не знаю, что с ним теперь – воткнул в меня нож. Под рёбра, и оставил издыхать. Я не мог и пошевелиться. Умирал долго, чуть ли не сутки. А потом я проснулся, и моё тело было совершенно целым, руки сильными, а голова – ясной. Тогда я понял, что мир изменился. Это было очень давно.

Мы не потеряли счёт годам. Мы перестали их считать совершенно намеренно. Я действительно не знаю, сколько мне лет. Никто не знает.

* * *

– Мы приближаемся к городу, – говорит Киронага.

Впереди селение. Совсем небольшое. А за селением вдалеке виднеется что-то странное. Это высоченная башня, метров сорок в высоту. Киронага останавливается.

– Остановись и присмотришь, – говорит он.

Я смотрю во все глаза. И вижу крохотную фигурку на вершине башни.

– Это первый форпост города. самого города отсюда не разглядеть, но с башни наблюдатель видит всё, кроме того, что у него под носом, – Киронага усмехается. – Это ему и не нужно, впрочем.

Я ничего не говорю. Мы едем дальше.

Проезжая через селение, я обращаю внимание на то, что одежда изменилась. Полотно рубах стало более тонким и белым. Узоры – немножко другими. Среди женщин теперь преобладают голубоглазые блондинки, высокие, статные, с большой грудью и крепкими бёдрами. Толстух среди них почти не встречается. Всё-таки мы едем на северо-запад.

Киронага не зря объезжал селения кругом. Как только я оказываюсь в окружении людей, как во мне поднимается волна ненависти. Мне хочется убивать.

Киронага чувствует это.

– Нет, Риггер. Терпи, – говорит он, глядя мне в глаза.

И я терплю.

За деревней – поля и хутора. Башня всё ближе и ближе, и я понимаю, какая она большая. Человек, придумавший эту конструкцию, – гений.

Массивные стволы причудливо переплетаются и скрещиваются, придавая башне устойчивость. Я думаю, что даже в случае землетрясения с ней ничего не случится. Через всю башню идёт лесенка. В башне четыре уровня, наблюдательный пункт – на самом верху. И в самом деле, человек на башне не заметит того, что происходит у него под носом, если не высунется почти полностью за край ограждения.

У самой башни – сторожка. Точнее, небольшой аккуратный дом с террасой, увитой плющом.

– Это дом смотрителей. Их двое, они работают попеременно: один наверху, другой внизу и наоборот. Есть пара сменщиков. Неделю работает одна пара, неделю – другая.

– Зачем это нужно? – спрашиваю я.

– Хм... – Киронага в недоумении. – У них же есть семьи. Хочется жить, а не только работать.

Хочется жить. В нашем обществе это сочетание имеет извращённый смысл.

– Хоть раз с этой башни что-нибудь полезное углядели?

– Нет, – Киронага усмехается. – В основном, высматривают пропавший скот по просьбам местных, ну и всякое тому подобное.

Мы подъезжаем к основанию башни, к сторожке. К нам выходит мужчина, крепкий, в нагруднике, с мечом наперевес.

– Обьезжай, чего сюда припёрлись?... – говорил он.

Киронага сворачивает, я за ним.

Я в очередной раз срываюсь. Никто не может разговаривать с Риггером в таком тоне. Я спрыгиваю с коня и иду к мужчине.

На ходу оглядываюсь: Киронага молча ждёт.

– Ты чего? – сторож поднимает меч.

Первый же удар семихвостки рвёт ему руку, оружие выпадает из изуродованной ладони. Второй удар раскраивает лицо. Истекая кровью и что-то неразборчиво бормоча, он пытается убежать. Бью ногой в спину, он падает. Достая нож (их осталось всего пять, надо будет докупить), вонзаю ему в шею, проворачиваю.

Никакого удовольствия.

– Наигрался? – спрашивает Киронага. – Давай-ка поедem дальше, пока верхний ничего не заметил.

Забираюсь на лошадь, еду за ним.

Мне приходит в голову, что это глупо: в голом поле, вдалеке и от деревни, и от города торчит такая вот огромная штука с четырьмя стражниками, используемая только для того, чтобы искать скот.

Странно, что её содержат в таком порядке. Оборачиваюсь. Тишина.

* * *

– Теперь слушай меня, Риггер, – говорит Киронага.

Еду рядом, смотрю на него.

– Сейчас мы выедем из-за леса и ты увидишь столицу. Ты когда-нибудь в ней был?

– Нет.

– Тогда слушай внимательно. Если ты прямо посередине улицы убьёшь кого-нибудь от нечего делать, как ты обычно убиваешь, никто с тобой церемониться не станет. Стража просто расстреляет тебя из арбалетов или огнестрелов. Потом тебя посадят в каземат. Надолго. В зависимости от того, кого ты убил. Имей в виду, в казематах тут не кормят. Вообще не кормят.

Это неприятно. То есть это не смертельно. Просто если не кормят, ты слабеешь. Шесть-семь дней мучений – и умираешь от голода. Просыпаешься живым и немного голодным. И снова за несколько дней умираешь. Это не просто неприятно. Это отвратительно.

Со мной такого никогда не было.

– Стражи в городе много. Очень много. Кроме того, я надеюсь, что ты уже сам заметил: тебя тут никто не знает. Никто не боится.

– Они будут меня бояться.

– Будут. Но – позже. Поэтому, въехав в город, мы аккуратно направляемся к нашей цели – императорскому дворцу.

– Меня представят Императору?

– Может быть, Риггер. Сначала тебя приведут в порядок. Поселят, умоют. Дадут кого-нибудь на растерзание.

Я сжимаю рукоять плети, но сдерживаю себя. Я понимаю, что Киронага сильнее.

Мы выезжаем из-за леса. Перед нами – освещённая солнцем долина, огромная, широкая. В ней – город. Город прекрасен. Я никогда не видел ничего подобного, никогда. Всё светится золотым и серебряным, огромные купола пересекаются с виадуками, крепостные стены выше самого высокого из виденных мной зданий.

К городу бежит дорога. Вокруг города – селения, поля, луга. Вдалеке виднеется река. Она протекает через город, её голубая лента испещрена белыми пятнами парусов.

– Торговля идёт по воде? – спрашиваю я.

– И по суше, – говорит Киронага.

Здесь живут люди, которые умеют изменять течение рек и направление ветра, которые делают хитроумные механические устройства и удивительное оружие. В конце концов, где-то здесь есть ещё двадцать с лишним воинов, которые равны мне по силе.

Или сильнее меня.

Интересно, есть ли кто-нибудь сильнее Киронаги? Я осознаю, что Киронагу не достал ни один удар с тех пор, как мы знакомы, – ни мой, ни чей-либо ещё.

Город приближается, и мне становится не по себе. Я сильнее многих (раньше я сказал бы – любого), но почему-то мне кажется, что тут сила – не самое главное. Почему-то мне кажется, что здесь придётся жить иначе. Придётся думать иначе. В том, что придётся иначе себя вести, я не сомневаюсь.

Но я не сожалею о сделанном выборе. Наверное, если бы я и в самом деле не хотел идти с Киронагой, я бы не пошёл, потому что нет человека, который может заставить Риггера делать то, чего Риггеру не хочется делать.

Мы подъезжаем к городу. Это не хутора и не деревеньки, гроздьями облепившие город. Это именно город, просто вынесенный за стены. Люди, идущие нам навстречу, всадники и повозки, строения всевозможных стилей, мельницы и амбары, взгляды, движения, крики и возгласы, жизнь, кипящая, бьющая полной струей, – всё это город. В Санлоне жизнь отдалённо напоминает эту только в период гладиаторских боёв. Которые я пропускаю на этот раз. Впрочем, думаю я, невелика потеря.

Впереди – ворота.

– Город, – говорит Киронага, хотя это уже лишнее.

Глава 3. Город

Над воротами – два стражника. Ещё двое – внизу. Справа и слева – смотровые щели, скошенные особым образом: смотреть и стрелять изнутри удобно, а снаружи – не попадёшь. Ров вокруг города – неглубокий, предназначенный в первую очередь для того, чтобы не подпустить осадные машины. Пехота и конница через такой ров переберутся.

Мост через ров выглядит слишком большим, карикатурным. Тяжёлое деревянное сооружение на массивных металлических цепях. Насколько я могу разглядеть на ходу, цепи блестят от смазки, значит, конструкция не декоративная: работает.

Проезжаем через мост к воротам. Они открыты, но два стражника берут наших лошадей под уздцы и внимательно изучают нас. К нам подходит третий стражник в высоком шлеме с плюмажем и кирасе. В поясных кобурах у него болтаются два многозарядных огнестрела.

– Кто такие?

Киронага безмолвно, но с улыбкой, протягивает стражнику бумагу, как по волшебству возникшую из широкого рукава. Стражник принимает документ, медленно просматривает.

А затем – склоняется чуть не до земли. Не разгибаясь, подаёт документ обратно.

Киронага молча проезжает, я – за ним. Двух запасных лошадей с поклажей даже не обыскивают. Стражники за моей спиной начинают громко что-то обсуждать, но отдельных слов я разобрать не могу.

– Мы едем по центральной улице, по Северному проспекту. Пока что он довольно узкий, но вскоре расширится. Просто узкую улицу удобнее оборонять, если неприятель ворвётся на территорию города.

– Как называется город? – спрашиваю я.

Да, я только сейчас понимаю, что не знаю названия столицы. Так же как я с трудом вспоминаю, что Жирный – это Санлон. Столица всегда была для меня Столицей. Или Городом, в крайнем случае.

Киронага смотрит на меня с удивлением. Я думал, что взгляд будет презрительным. Наверное, если бы его взгляд соответствовал моим ожиданиям, я бы напал на него – в который раз.

– Оменескорн, – говорит Киронага. – Так же, как и Империя.

– Спасибо.

Киронага хмурится, вспоминая, на чём остановился, когда я прервал его.

– Так вот, – продолжает он, – в центре города Северный проспект пересекается с Восточным проспектом. Восточный проспект одним концом упирается в Восточные ворота, а другим – в императорский дворец. Когда-то оба эти проспекта были дорогами и город вырос вокруг них как торговая точка, точка обмена. В слове «Оменескорн» сохранился след слова «обмен». Империя получила это название позже.

– Давно, это когда?

Киронага хмурится.

– До того.

Значит, до того, как мы стали бессмертными. Это и в самом деле очень давно. Теперь крайне редко найдёшь селение, которое старше человека. Город может быть старше.

– Говори, – я приглашаю Киронагу продолжать.

– Всё остальное ты видишь вокруг себя, – усмехается Киронага. – Смотри.

Северный проспект и в самом деле стал шире. Не просто широким, а настоящей площадью, только очень длинной. Кажется, он шире арены нашего амфитеатра. Столько людей я не видел никогда в жизни. Они снуют туда-сюда, не обращая внимания ни на нас, ни на кого бы

то ни было. Они бегут по своим собственным делам, смотрят сугубо перед собой. Уличные торговцы зазывают в свои лавки.

– Свежие фрукты! Одежда из Фаолана! Ремни, кожаные ремни! Лучшие ароматы из-за моря!

– Книги! – слышу я.

И останавливаюсь.

– В чём дело? – спрашивает Киронага.

– Зайду в одну лавочку.

– Не время.

– Время, – я уже спешиваюсь и иду к двери, возле которой стоит зазывала.

Киронага берёт под уздцы мою лошадь.

Захожу в лавку. Тут светло и уютно, снаружи пробивается солнечный свет, плюс к тому горят фонари на стенах. Я смутно помню такие фонари: кажется, я где-то их видел. Пока я рассматриваю ближайший, появляется продавец.

– Что интересует господина?

Оборачиваюсь: невысокий мужчина со смуглой кожей и узкими глазами.

– Книги, – говорю я и иду к полкам.

Я никогда не видел столько книг одновременно. Все книги, что есть у меня, привозили издалека, в том числе и отсюда.

Я не умею читать. Но читать любит Бельва: надо привезти ей что-нибудь. И ещё я хочу найти какую-нибудь красивую книгу, которую не нужно читать, которую можно просто рассматривать.

– Спрашивайте, господин, я расскажу.

Рассматриваю ряды полок, не подавая виду, что не понимаю названий на корешках.

– Мне нужно что-нибудь с рисунками. Красивое.

– Самое свежее, господин! – говорит торговец и исчезает среди полок.

Появляется Киронага.

– Ты же не умеешь читать, – тихо говорит он.

– Я люблю смотреть.

– У него есть картинки с девочками в разных позах, – Киронага смеётся.

Я смотрю на Киронагу злобно.

– Молчу, – говорит он и делает шаг назад.

Появляется торговец.

– Вот, – говорит он, – вас это может заинтересовать.

Беру у него тяжёлый том в кожаном переплёте. Страницы внутри – довольно тонкие, на белой чуть зернистой бумаге. На каждой странице – картина, рядом – подписи и пояснения. Картины невероятно реалистичны. На первой изображена женщина в изящном платье – такой фасон не носят в Санлоне. На голове у неё – шляпка. Она очень красива, у неё тёмные волнистые волосы до пояса, она сидит на стуле, её голова чуть наклонена. Она смотрит на художника.

Но изображение – не столь важно, как техника исполнения. Кажется, что на меня смотрит живая женщина, пусть и чёрно-белая. Кажется, она сойдёт со страницы и окажется передо мной, прямо в лавке.

– Это новое веяние, – говорит торговец. – Называется обскурирование. Это не рисунок. Человек становится перед специальным механизмом, а тот делает его изображение точно в такой позе, в которой стоит человек...

Киронага демонстративно изучает потолок.

Я листаю книгу. Все картины потрясающе реалистичны – и портреты, и пейзажи, и натюрморты.

Это будет хорошим подарком для Бельвы. Читать здесь нечего, но зато есть на что посмотреть.

– Сколько? – спрашиваю я.

Он называет цену.

За эти деньги в Санлоне можно купить дом, участок земли и стадо коров в придачу. Торговец видит в моих глазах злость и тут же уменьшает цену почти вдвое. Но это его не спасает.

Киронага не успевает среагировать. Я выхватываю нож и всаживаю его в шею торговцу. Он хрипит и падает.

– Я же говорил... – Киронага вздыхает.

Я стою с окровавленным ножом в руке и смотрю на Киронагу. Торговец затихает на полу.

– Так, – говорит Киронага. – Это в последний раз, Риггер. В следующий раз я просто уйду и всю кашу будешь разгребать ты. И поверь, мало тебе не покажется. Ты даже сам не сможешь из города выехать. Тебя не выпустят без разрешения.

Молчу.

– Сейчас оттаскивай этого мужика за полки. Зазывалой он же был?

– Да.

– Хорошо.

Пока я оттаскиваю тело торговца, Киронага закрывает дверь лавки.

– Выйдем через заднюю дверь. Лошадей я оставил недалеко от передней двери, но мы к ним подойдём снаружи, будто идём из другого места. Когда он очнётся, то есть завтра, мы уже будем в императорском дворце.

Мы выходим. Я напоследок захватываю альбом с картинами. Обскурирование – я запомнил это слово.

Молча идём по небольшой улочке. По ней снуют люди с ящиками, чумазые, лохматые. Это грузчики и носильщики – они доставляют товары в лавки. Пахнет едой и отбросами.

Между двумя домами – проход, выходим обратно на проспект. Лошади стоят в минуте ходьбы, они привязаны к столбу, их сторожит мужчина в простой одежде.

Киронага даёт мужчине монету, тот кланяется и исчезает. Киронага молча забирается на коня.

Мы едем дальше.

– Риггер, – говорит Киронага. – Ты умеешь хоть иногда сдерживать свой гнев?

Я не знаю, что ему ответить.

– Ты понимаешь, что здесь так нельзя? Я тебе уже говорил: здесь тебя не знают, здесь никто тебя не знает! – он чеканит слова. – Здесь ты – ничто, мелочь, случайный проезжий. Ты не уйдёшь и не скроешься. Тебя поймают и отправят в каземат на вечную голодовку.

Он начинает мне надоедать.

– Ты знаешь, что такое вечная голодовка? Это когда человек сидит без еды и воды, в темноте, по горло в воде сто лет. Двести лет. Триста лет. Ты этого хочешь? Здесь нет Санлона. Если Император захочет, он сотрёт твоего Санлона в порошок.

– Он не мой Санлон, – говорю я, выхватываю меч и перерубаю повод, связывающий мою лошадь со второй, запасной. Бью коня пятками. Сообразительное животное переходит на галоп, я направляю его в боковую улочку.

Я слышу, как кричит Киронага. Я скачу по узенькому проходу, пригибаясь под развешанным где попало бельём. Улочка утыкается в другую, пошире, я скачу с огромной скоростью, кого-то сшибаю, кого-то давлю копытами, слышу хруст, треск и крики, какое-то хлопанье, звон. Снова сворачиваю в маленькую улочку, и снова, и снова, теряюсь в лабиринтах города, исчезаю, скрываюсь.

Наконец, выезжаю на какой-то пустырь. Здесь более или менее тихо, вдалеке виднеются жилые домики, маленькие, ободранные. Шныряют какие-то мелкие типы, похожие на крыс. Жутко воняет рыбой. Я осматриваюсь: погони не видно. Вероятно, я сумел оторваться. Что ж, честь и хвала тебе, Риггер.

Медленно еду вперёд, к жилым домам. В нескольких метрах от дороги кучка людей жжёт костёр в железной бочке. В провинции Санлон железная бочка – на вес золота, металл слишком дорог, чтобы использовать его для таких бытовых нужд как хранение воды. А здесь – жгут какую-то вонючую дрянь.

Один направляется мне наперерез. Он чёрный. У него длинные курчавые волосы, измазанные грязью и какой-то оранжевой дрянью, похоже, краской. Он одет в невообразимые лохмотья, и его запах перебивает даже запах рыбы.

Он достаёт из-под лохмотьев короткий кривой ятаган и скалится. Я подъезжаю почти вплотную и смотрю на него.

– Чего надо? – спрашиваю я.

Он не боится меня. Если бы я задал подобный вопрос в своей провинции, спрашиваемый обделался бы от страха.

– Лошадь хорошая, – говорит бродяга.

Я достаю меч и первым же ударом перерубаю ему глотку. Он пытается зажать её руками, но кровь хлещет фонтаном, и бродяга падает. Его дружков четверо. Они медленно идут ко мне. У одного в руке – огнестрел. Потёртый, однозарядный. У остальных такие же кривые мечи, как и у первого. Спрыгиваю с коня. Тот, что с огнестрелом, целится. Я мечу нож, и он не успевает выстрелить: рукоять торчит из его глазницы. Остальные тупо оглядываются на труп. Я бегу вперёд и в прыжке рассекаю голову первому бродяге, второй успевает отпрыгнуть.

Третий замахивается на меня и получает удар в живот. Второй уже улепётывает со всех ног. Я бросаю нож, попадаю под лопатку. Спокойно подхожу. Он лежит на животе, барахтается, пытается встать. Достаю нож, осматриваюсь.

Ещё двое бродяг стоят и смотрят. Достаю семихвостку. Бродяги делают несколько шагов назад. Начинаю бить лежащего. После третьего удара летит мясо. Бродяга не орёт, а скулит. Зрители убегают. Пристёгиваю семихвостку к поясу, иду к лошади. По дороге забираю свой нож из тела стрелка. Рассматриваю его огнестрел: и в самом деле, убогий однозарядник. Из седельной сумки достаю клещи и молоток. Нахожу подходящий камень, в два удара привожу огнестрел в негодность. Забираюсь на лошадь.

На самом деле, нищих вокруг – полно. Просто они боятся подойти. Продолжаю свой путь к домам.

Хибары выглядят просто жутко. Стены покосились и подлатаны чёрт знает чем. Чумазные женщины и нетрезвые мужики бродят как потерянные. Это опустившиеся люди. Мир, который позволяет жить вечно, ничего не делая, расхолаживает людей. Просто в сельской местности это не так заметно.

Работа – это то, что спасает нас. Даже такая работа, как моя.

Мне надо как-то выехать к центру города.

На меня смотрят, как на диковинку. Но огнестрел на бедре и выставленные напоказ плети и пруты внушают уважение: бродяги боятся подойти.

Останавливаю какого-то более или менее прилично выглядящего мужика.

– Стой!

Он оглядывается.

Кнут обвивается вокруг его шеи аккуратно, чтобы не повредить. Подтягиваю мужика к себе.

– Слушай меня, – говорю ему.

Он смотрит испуганно и затравленно.

– Как проехать к центру города?

Он молчит.

– Говори, – я наклоняюсь к нему и смотрю профессиональным взглядом палача.

У него отшибает речь. Он показывает пальцем вглубь улицы.

– Туда?

– Да.

Отпускаю его. Он потирает шею и убегает. Зеваки, столпившиеся около нас, пропускают его, но расходиться не собираются.

Заносу кнут, бродяги расступаются.

Еду по улице. Грязные лица, убогая, рваная одежда, вонь. Как можно так опуститься?

Впрочем, мне плевать.

Впереди, далеко впереди маячат башни и шпили. Я понимаю, что о направлении к центру города можно было не спрашивать.

Рыбой воняет всё сильнее. И ещё пахнет водой. Затхлой, стоячей водой. Неожиданно хибары заканчиваются, зато суeta растёт. Появляется множество людей с тележками, в которых штабелями уложены морепродукты. Не только рыба, но какие-то водоросли, моллюски и прочее. Только сейчас до меня доходит, что в городе есть порт, и что я приближаюсь к нему.

Ещё через несколько минут я выезжаю на берег реки. Он обложен камнем, тут есть мостовая. Река широкая, не менее пятидесяти метров. Над ней летают серые городские чайки и другие птицы, по реке плавают множество мелких корабликов и лодочек. Вода грязная, какие-то ошмётки и огрызки, куски дерева, обрывки ткани, трупы мелких животных и птиц.

Справа по реке движется достаточно большой корабль. Он ухожен, у него белые квадратные паруса (спущен только один, на передней мачте), по палубе бегает матросы. Я видел корабли – очень давно, когда путешествовал к морю. Море – в трёх днях пути от Санлона, но в противоположной от города стороне. Я ездил к морю по поручению Жирного: неожиданно прекратились поставки рабов с юга, и нужно было выяснить причину.

Корабль проплывает мимо меня. Мелкие лодчонки жмутся к берегам, убегают от его покатым бортов. Одноместный ялик какого-то нерасторопного рыбака засасывает под киль и ломает, рыбак, отфыркиваясь, появляется из-под воды и тут же получает по голове веслом, после чего окончательно скрывается под водой.

Всё-таки город такой же, как и моя провинция. Просто здесь нужно быть ещё сильнее.

Еду по мостовой вдоль берега. Я не помню, чтобы я пересекал мост, когда убегал от Киронаги. Но теперь от куполов и башен меня отделяет река. Наверное, она петляет.

Продолжаю свой путь. Многие на меня оглядываются, но никто не пристаёт. Я чувствую, что не прочь подкрепиться. Думаю, что в этом районе мне не найти приличного места, но это неважно.

Вижу вывеску. Это таверна. На вывеске изображено чудовище с телом рыбы и бычьими рогами. Рядом нарисована кружка. Вывеска до того засалена и загажена, что рассмотреть рисунок удаётся с трудом.

Подъезжаю. Подбегает какой-то нищий:

– Посторожить лошадь господина?

Я осматриваюсь и понимаю, что если я оставлю ему лошадь, я её больше не увижу.

Бью бродягу в лицо, он падает. Становится на четвереньки, выплёвывает осколки зубов.

Двери таверны – двойные, широкие. Распахиваю их ударом ноги, захожу, ведя лошадь под уздцы. Лошадь всё равно пахнет лучше, чем любой посетитель этого притона.

В таверне довольно много народу. Вижу свободный стол, сажусь. Конь идёт смирно, он умный. Своим задом он сдвигает чей-то стол, но мне плевать.

К столу подходит толстяк в засаленном фартуке.

– Сюда нельзя с лошадьми, – говорит он на удивление тихо.

– Принеси мне поесть, – чеканю я.
Толстяк уходит.

Все пялятся на меня и на лошадь. Я достаю дробовик и кладу перед собой на стол. Большая часть зевак отворачивается. Зато к моему столу тут же подсаживается худой аскетичный тип в рваной широкополой шляпе.

– Сколько? – спрашивает он.

– Что сколько?

– Ну, сколько за пушку возьмёшь?

Смотрю на него, прищурившись.

– Я тебе сейчас голову из него разнесу. Пойдёт такая цена?

Тип ухмыляется.

– Ну смотри, по-хорошему ведь предлагали...

Из-за соседнего стола встают три человека. Они чем-то неуловимо похожи на первого, такие же худые и высокие, в таких же дурацких шляпах.

Они стоят и смотрят на меня. Я не люблю, когда на меня так смотрят.

Один из тройки, средний, получает заряд в грудь, второму отрывает полголовы. Третий пытается вытащить меч (кривой, похожий на ятаган), но затихает с ножом в глазу. Я сажусь. Мой сосед смотрит ошеломлённо.

– А теперь я буду спрашивать, а ты – отвечать, – говорю я. – Хорошо?

Он кивает.

– Это что за мразь? – показываю на убитых.

– Эт-то б-банда Р-рит-т-ока, – он заикается.

– Ага. Они хотели меня ограбить?

– Д-да.

– Прекрасно.

Я спокойно перезаряжаю оружие.

– Эй ты! – кричу мужику за стойкой.

Он поворачивается.

– Где моя жратва?

Мужик склоняется чуть не до земли и показывает жестами, мол, сейчас, с минуты на минуту.

Снова поворачиваюсь к бродяге за моим столом.

– Так вот. Ты поедешь со мной. Поведёшь меня в центр города: мне туда нужно. И только попробуй сбежать. Подстрелю и возьму с собой. А когда приедем, буду долго пытаться. Ясно?

Бродяга, дрожа, кивает.

Передо мной появляется огромная тень. Это здоровяк в грязном сюртуке. Его правый глаз закрывает повязка. Интересно, это он сегодня повредил или для красоты носит?

– Твоя лошадь мне мешает, – говорит здоровяк.

Я разношу ему череп выстрелом из дробовика.

– Ещё кому-нибудь моя лошадь мешает? – спрашиваю довольно громко.

Молчание.

Толстяк в фартуке, у которого я заказывал еду, если это можно так назвать, приносит на подносе тарелку похлёбки, огромный ломоть мяса и жбан какой-то вонючей жидкости.

Я отхлёбываю суп: вполне сносно, доводилось есть и хуже. Уплетаю за обе щеки.

Но дрянь из жбана я пить не могу, поэтому мясо ем всухомятку. Всё это время худой бродяга сидит напротив и смотрит. Я подталкиваю к нему жбан.

– Я это не буду, – говорю.

Он хватается и выпивает до дна.

Доедаю в мертвенной тишине. Молчит вся таверна. Все смотрят на меня.

Встаю. Толстяк в фартуке смотрит на меня из-за стойки. Показываю ему неприличный жест, забираю из глаза одного из мертвецов свой нож. Худому бродяге бросаю:

– Пошли.

Мы выходим. Платы с меня никто не требует. Бонда что-то жуёт. Нашёл, чем поживиться, – ну и отлично.

Я думаю, что мне теперь делать.

– Тебя как зовут?

– Бырва.

Так, ехать нужно в центр. С другой стороны, что в центре делать, я не знаю. Но надолго зависать тут, в трущобах, тоже не хочется.

Судя по ценам на книги, моих денег хватит разве что на сегодня. Нужно пополнить кошелек.

– Где можно достать денег?

Бырва уже перестал заикаться.

– Э-э-э...

– Повторяю: где можно достать денег?

– Украсть... – нерешительно говорит Бырва.

– Много денег. Прохожих трясти – это не по мне.

Я говорю уверенно, хотя никогда подобного не делал.

– Ну... Банк...

– Пошли.

Бырва идёт впереди, я забираюсь на Бонду и еду за ним. Мы сворачиваем от набережной куда-то в сторону. Кварталы становятся богаче. На Бырву теперь обращают больше внимания, чем на меня. Видно, что я одет хорошо, хотя одежда покрыта слоем пыли. Бырва останавливается.

– Дальше я не пойду.

– Где банк?

Он показывает пальцем на одну из вывесок. На ней написано короткое слово и нарисована монета.

Еду к банку. Бырва бежит прочь.

Спешиваюсь, тут же появляется мужчина, предлагающий последить за лошады. Судя по всему, тут это – повсеместная услуга. Этому на первый взгляд доверять можно, да и квартал довольно пристойный. По пути мы два раза видели стражу.

Стражники ездят по трое. Они закованы в металлические латы: кирасы, наплечники, поножи. У них есть огнестрелы и мечи, плюс к тому кистени, прикрепленные к седлам. Видно, что с преступниками стража не церемонится.

Даю монету сторожу.

– Остальное – потом.

Он кивает. Надеюсь, я не продешевил.

Снимаю с седла сумку, захожу в банк.

Передо мной стол, за столом сидит курчавый черноволосый человек в очках с тонкой оправой. Присматриваюсь: качество изготовления оправы и линз – великолепное, такого я никогда не видел. Справа и слева – двери.

Я вспоминаю, что на фасаде здания заметил несколько дверей, теперь я понимаю их назначение. Каждая ведёт в отдельную кассу, а кассы соединены между собой. Так, наверное, проще обороняться от грабителей. Таких, как я.

Мне нужны деньги, а Риггер не привык останавливаться на полпути.

Служащий улыбается мне и собирается что-то спросить, но не успевает. Я всаживаю ему в глаз нож и перепрыгиваю через стол во внутреннее помещение банка. Справа – три человека.

Слева – двое. Оба левых получают по ножу, двое правых – по выстрелу из дробовика. Последний оставшийся в живых дёргает какой-то рычаг на стене. Я лечу к нему и перерубаю ему руку, но рычаг уже нажат, и раздаётся жуткий вой, будто взбесилась тысяча котов.

Деньги лежат на столах, на полках – повсюду. Начинаю набивать сумку. Примерно через минуту появляется охрана.

Лицо одного мне знакомо: я несколько минут назад видел его на улице.

Наверное, никто не грабит банки в этом городе, если охрана организована так плохо, думаю я.

Но охрана организована хорошо. У всех – огнестрелы, и их много. Я успеваю порезать двоих, прежде чем пуля попадает мне в голову.

* * *

Я открываю глаза в темноте.

Я смотрю на себя со стороны и думаю: как я мог так опуститься? Риггер, который убивает, – это нормально, это правильно. Но Риггер никогда не унился бы до воровства. Тот Риггер, который больше недели назад спустил Болта в колодец.

Тот Риггер, которые ехал с Киронагой по улицам столицы, уже мог это сделать. И сделал.

Я поднимаюсь. На моих руках кандалы. Я сижу на лежанке из грубых досок. Спускаю ноги на землю: высота лежанки не более тридцати сантиметров, а пол – мокрый. Я бос. На мне осталась холщовая рубаша и панталоны. Кожаную одежду сняли. На ногах – тоже кандалы.

Ручные и ножные кандалы соединены цепью, а от этой цепи ещё одна ведёт к стене. Я начинаю различать что-то. Всё-таки свет есть: он едва-едва пробивается через щель под дверью. Пытаюсь подойти к двери: длины цепи не хватает.

Если сейчас утро, то освобождаться путём откручивания конечностей – глупо. Надо подождать и попробовать пойти на контакт.

Обыскиваю комнату. Кроме лежанки нет ничего. Вообще ничего. Мокрый каменный пол, четыре стены, лежанка и дверь. Остаётся ждать.

Я не знаю, сколько я лежу. Может быть, час. Может быть, два. Но дверь всё-таки открывается.

Вырисовывается силуэт мужчины крепкого телосложения. Он заходит, за ним – ещё один, с факелом. Факел освещает оба лица. У первого – обыкновенная внешность белого человека, второй – узкоглазый.

– Ну, доброе утро, – говорит первый.

Смотрю на него.

– Натворил ты дел, да. Банк попытался ограбить. Зачем? Тебе работы другой не нашлось? Не местный, видимо. Ты знаешь, почему в банке охраны почти нет? Потому что она снаружи. Заходят бандиты в банк, их там всех стреляют и в камеры сажают. И никто не уходит, совсем никто.

Он замолкает.

– И что?

– И всё. Сейчас мы пойдём в кабинет к дознавателю. Ты ему всё расскажешь, всё напишешь и пойдёшь в каземат, отбывать свои положенные десять лет.

Десять лет – это долго.

Я встаю и протягиваю ему руки в кандалах. Он усмехается и открывает замок – но не на руках, а на стене. Конец цепи со стены он держит в руке.

– Вперёд.

Сначала выходит человек с факелом, потом я, потом болтливый конвоир.

Мы идёт по тёмному коридору. Из камер доносятся крики. Откуда-то слышен вой, который сначала напоминает волчий, а потом превращается в отрывистую человеческую речь.

– Пытают... – удовлетворённо говорит конвоир.

Факельщик поднимается по ступенькам на этаж выше, мы – за ним. Этот этаж ничем не отличается от предыдущего, и факельщик идёт выше. А потом – ещё выше. И ещё. Когда мы минуем четвёртый пролёт, конвоир будто извиняется:

– Много в последнее время всяких бандюганов стало. Казематы переполнены. Всё глубже приходится закапываться.

Наконец, мы выходим на первый надземный этаж. Здесь светло и уютно, потому что светит солнце. Мы выходим наружу и идём через двор к небольшому зданию. Я оглядываюсь: тюрьма всего лишь двухэтажная. Большая часть казематов – под землёй.

– Не тормози, – охранник меня подталкивает.

У дверей здания – ещё один охранник с дробовиком. Заходим внутрь. Мы – в широком пустом коридоре, и вот здесь я просыпаюсь.

Я оборачиваюсь и охватываю наручниками шею конвоира. Она хрустит. Первый охранник оборачивается, получает в нос и падает. Добиваю я его ударом ноги по горлу. Я обыскиваю тело первого: вот и ключи. Освобождаюсь от кандалов. Теперь предстоит найти свою одежду и оружие. Для этого, наверно, нужно продолжать путь к дознавателю. Он-то должен всё знать. Впрочем, сойдёт любой чиновник более или менее высокого ранга.

Обыскиваю второго охранника. У обоих – шестизарядные малые огнестрелы. Отлично. Снимаю с более крепкого охранника пояс, затягиваю на себе. Затыкаю за пояс оба огнестрела. Запасных патронов не предусмотрено. Также у каждого есть по дубинке с шипами на конце, вроде маленького кистеня. Забираю обе. У факельщика находится кошелёк с деньгами, а у другого – короткий меч. Иду по коридору.

Судя по всему, мы направлялись к лестнице на второй этаж. Как только я начинаю подниматься, раздаётся крик. Кто-то внизу увидел тела. Я остался незамеченным.

Поднимаюсь.

Коридор второго этажа выходит окнами в тот же самый внутренний двор тюрьмы. По коридору идёт человек в белом костюме. Фалды странного сюртука волочатся почти по полу, как плащ. На голове – нечто среднее между фуражкой и беретом. В руках у человека – кипа бумаги. Он не успевает и пикнуть, как я хватаю его и надавливаю на кадык. Ногой открываю дверь ближайшего кабинета и затаскиваю туда свою жертву. В кабинете сидит полная женщина с хитрыми лисьими глазами и пушистыми рыжими волосами. Одной рукой я держу мужчину, второй достаю меч и пронзаю им женщине грудь. Она хрипит, я швыряю мужчину на пол и нагибаюсь над ним.

– Ты кто? – спрашиваю я. – Отвечай медленно и тихо, иначе будет очень больно.

– Магистр Левик, – говорит он.

– Хорошо, Левик, – продолжаю я. – Теперь слушай меня. Ты знаешь, кто я?

– Грабитель вчерашний.

– Молодец. Сейчас я тебе отпущу и ты сядешь на стул. А потом немножко мне расскажешь. Понял?

Он кивает.

Я встряхиваю его и сажаю на стул. Замечаю на двери щеколду, задвигаю её.

Подтягиваю второй стул, сажусь напротив. В комнате всего три стула, стол и четыре массивных шкафа. На столе теперь лежит женщина, из-под её тела на пол течёт кровь.

– Так вот, Левик. Я могу тебя не пытаться. А могу пытаться, причём долго и неприятно. И если ты сейчас закричишь, я буду тебя убивать, начиная с момента твоего крика и заканчивая моментом, когда меня всё-таки поймают. А это очень долго, ты понял?

– Да.

- Тогда слушай. Вопрос первый. Где мои вещи?
- Одежду, наверное, стражники растащили. Оружие в оружейной. Лошадь – в конюшне. Мелкие вещи – у дознавателя. Как обычно.
- Я не знаю, как у вас тут обычно. Сейчас мы пойдём к дознавателю. Кто дознаватель?
- Не знаю. Или мастер Бока или мастер Корбик. Один из них.
- Оба на этом этаже?
- Бока в другом здании.
- Значит, идём к Корбику. Затем мы пойдём в оружейную. А затем – на конюшню. Если, конечно, я не решу, что одежда тоже имеет значение.
- У тебя не выйдет.
- Снаружи шум и гам: меня всю ищут.
- У меня всё выйдет. Потому что я – Риггер. Запомни. Повтори: Риг-гер.
- Риггер, – послушно повторяет он.
- Ну вот. Значит, всё выйдет. В каком кабинете сидит мастер Корбик?
- Если выходить отсюда, то направо, крайний по коридору.
- Молодец, ты хорошо отвечал.
- Ударом кистеня охранника разбиваю ему голову. Ходить с ним – одна морока, думаю я.
- Снаружи – топот ног. В кабинете – окно. Оно выходит в какой-то внутренний дворик, но не тюремный, а, судя по всему, административного комплекса.
- В дверь стучат.
- Я открываю окно и выхожу на широкий деревянный карниз. Иду по нему параллельно коридору. Самое опасное – это окна: меня могут заметить. Судя по грохоту, дверь в комнату, где я только что был, вышибли. Я успеваю дойти до крайнего окна и нырнуть внутрь, пока никто не выглянул. Хорошо, что окно открыто.
- В кабинете никого нет. На стене над дверью – портрет Императора. Наверное, в предыдущем кабинете тоже такой был, но я его не заметил.
- Осматриваюсь. Кабинет довольно большой, на стенах – какие-то бумаги. Стол, два кресла, три стула, шкафы, маленький столик и диван. Открываю ящики стола: ничего полезного. Бумаги, бумаги, бумаги. В среднем левом ящике – деньги. Забираю их.
- Открываю первый шкаф: много ящичков с карточками, неинтересно.
- Открываю второй: здесь полки с различными вещами. Некоторые упакованы в пакеты из бычьего пузыря, некоторые валяются просто так. Судя по всему, это и есть склад личного имущества. Уже через полминуты нахожу пакет со своим барахлом.
- Впрочем, мелких вещей у меня не так и много. Огниво – самое, наверное, ценное из всего. Пакет к поясу не привяжешь: осматриваюсь. Один из шкафов – с одеждой. Натягиваю первую попавшуюся куртку, в карман запикиваю пакет.
- Я всё ещё босиком, и в моём положении это не очень удобно. Но обуви в шкафу нет, а в окне появляется силуэт преследователя. Кто-то ломится в закрытую дверь.
- Человек в окне получает кистенем по голове и валится наружу. Вылезаю на парапет. Ещё двое – прямо передо мной. Внизу, во дворе, трое с арбалетами. Сшибаю ближайшего преследователя вниз: он падает точно на одного из стрелков, прыгаю в следующее окно. Второй преследователь бросается за мной, его череп раскалывается от удара кистеня.
- Я в ещё одном кабинете, неотличимом от того, который я только что обыскал. У двери стоит мужчина в таком же, как у Левика, белом костюме. Одним прыжком преодолеваю расстояние до него и реву прямо в лицо:
- Где оружейная?
- В-внизу, – отвечает он.
- На каком этаже? – он почти оглушён.
- Н-на первом подземном...

Легко сворачиваю его цыплячью шею и выскакиваю в коридор.

Тут царит суматоха. Охранники, чиновники, городские стражники носятся без всякого порядка, кричат и ищут меня. Стражники передвигаются медленно, зато их панцири и шлемы защищают от холодного оружия.

Дверь кабинета дознавателя взламывают. Я бегу в противоположную сторону, никто не замечает меня. На лестнице вниз нос к носу сталкиваюсь с тремя охранниками. Перепрыгиваю через перила и оказываюсь на террасе первого этажа. Из-под земли бегут охранники.

Точнее, они появляются из отверстия в полу. Похоже, это и есть оружейная, судя по огнестрелам в руках. Улучив паузу в появлении охранников, прыгаю вниз.

Приземляюсь на чью-то голову, характерный звук оповещает меня, что шею я своей «подушке» сломал. Я в узком коридоре, по которому навстречу мне бежит охранник с дробовиком. Он получает пулю из лёгкого огнестрела.

А у меня появляется дробовик. Пусть не мой, но всё же.

Коридор поворачивает. Тут находится нечто вроде стойки, за которой стоит тучный охранник с маленькими пороссячьими глазками. Его череп разлетается в клочья от первого выстрела. Откуда-то из-за его спины появляется ещё один охранник с дробовиком. Он тоже лишается головы, а я перехватываю его дробовик, чтобы не заряжать свой.

Я нахожусь среди полок с разнообразным оружием. Передо мной множество лёгких огнестрелов, но мне нужны мои плети и что-нибудь огнестрельное потяжелее. Если дробовик – это самое лучшее, что здесь можно найти, то нужно взять боеприпасов. Сначала бегу на поиски более тяжёлого оружия. Дробовиков много: похоже, что это одна из штатных пушек тюремщиков.

Боеприпасы – на нижних полках. Запасаюсь по полной программе: тут есть также специальные сумки для патронов.

И тут я вижу его.

Эта пушка лежит отдельно. С виду – почти как обычный дробовик, только приклад не деревянный, а из какой-то лёгкой стали, которая мне прежде никогда не встречалась. У него два дула и нечто вроде барабана, только плоского, как коробочка. Патроны явно такого же калибра, как и для обычных дробовиков. Зато он многозарядный. И, похоже, автоматический.

Я хватаю эту штуку, выкидывая обычную пушку, и тут в проходе появляется охранник. Я жму на спуск, и его отбрасывает метра на три, потому что эта штука бьёт одновременно из двух стволов – и сразу же готова к новому выстрелу. Для неё приготовлен специальный пояс с кобурой, который я тут же надеваю.

Я бегу вдоль рядов в сторону холодного оружия, а с другой стороны к месту, где я только что находился, летят охранники и стражи. Хватаю и пристёгиваю первый попавшийся меч, затем пояс с ножами для метания (не мой, но схожий, тоже лежит на одной из полочек). На стене висит моя плеть с крюками. Кнута не видно, но это ладно, и с плетью справимся.

Слышатся крики. Охранники явно не сразу сообразили, что беглый преступник может додуматься побежать в арсенал.

Выход из оружейной уже блокирован. И я оказываюсь запертым в комнате с множеством вооружённых людей. В очень большой комнате, в сложном лабиринте полок и стеллажей. У охраны, похоже, нет никакой системы отлова таких, как я. Наверное, у меня очень злые глаза.

* * *

Я выхожу наружу медленно. Распахиваю крышку-люк и щурюсь от солнечного света. Я весь в пороховой гари, в синяках и ушибах, но – целый и невредимый. Я весь покрыт кровью – чужой. В моих руках – по двуствольному дробовику. На поясе – два меча и семихвостка.

Внизу – не меньше пятидесяти трупов. А может, и вся сотня.

Вокруг люка – охранники и стражники. Они смотрят на меня, на меня нацелены все стволы.

Я широко улыбаюсь.

Они смотрят на меня, но не стреляют.

А потом они расступаются, и вперёд выходит высокий крепкий мужчина в дорогой одежде восточного покроя. Одежда явно не форменная: тёмно-зелёная, с золотыми и серебряными узорами. Голова покрыта чем-то вроде чалмы. Внешне мужчина больше похож на северянина: светлые брови, голубые глаза. Мы смотрим друг на друга, и первым, как ни странно, не выдерживаю я.

– Ну и что? – спрашиваю я, стараясь придать голосу презрительное выражение.

Мужчина выдерживает паузу.

– Ты – Риггер.

– Да.

– Зачем ты сбежал от своего провожатого?

– Потому что я не привык, чтобы мной помыкали.

– Ты не мог победить его в бою, и потому сбежал. Позорно, как пёс.

Я поднимаю один из дробовиков и целюсь в светлобрового.

– Тебе ещё есть что сказать? – спрашиваю я.

Кажется, я знаю, почему не убил его сразу. Потому что он прав. Он и в самом деле отвратительно прав.

– Меня зовут Файлант. Меня ты тоже не победишь в честном бою. Я пришёл, чтобы завершить то, что было поручено Киронаге. Ты должен прибыть во дворец, Риггер. А потом уже делай, что хочешь.

Я нажимаю на спуск.

Но там, куда летит заряд, Файланта уже нет. Файлант быстрее всех, кого я видел за всю свою длинную жизнь. Он перекачивается, отталкивается от кого-то из толпы, подпрыгивает и выбивает дробовик из моей руки. Я не успеваю поднять второй: Файлант бьёт меня в лицо, и я падаю назад. Я пытаюсь вскочить, но раздаётся выстрел, и мир погружается в темноту. Единственное, что я успеваю услышать перед тем, как потерять сознание, это слова Файланта:

– Не живым, так мёртвым...

Глава 4. При дворе

Меня зовут Риггер. Меня зовут Риггер. Меня зовут Риггер.

Я говорю это самому себе, потому что я проиграл схватку. Я смирился с тем, что меня может победить Киронага – победить в бою. Но Файлант разложил меня, как младенца, без всяких усилий. Такого унижения я никогда не терпел.

Когда я вышел на свет, я надеялся прочитывать в лицах охранников страх. Я надеялся, что они никогда не видели подобного мне. Человека, который в одиночку, не получив ни царапины, уничтожил целый штурмовой отряд или даже несколько отрядов.

Но страха не было: потому что таких, как я, тут как минимум двое. Или двадцать, как говорил Киронага.

Надо мной – красный с золотом вычурный балдахин. Пахнет свежим бельём и немножко розовым маслом. Я провожу рукой по своему телу под тонкой узорчатой простыней. Я чист, мне тепло и хорошо. Поднимаюсь.

Комнате, в которой я нахожусь, позавидовал бы любой наместник. Впрочем, кроме Жирного, я знаком только с одним – с Синтиком. Когда-то я играл с ним в бильярд.

Всё вокруг в золоте и бархате. На стенах – картины, написанные с удивительным мастерством. У Жирного таких картин не было, и вряд ли когда-нибудь будут. Жирный не любит красивые вещи. Жирный в первую очередь любит пожрать.

Я встаю, оборачиваюсь простыней и подхожу к стрельчатому окну, через которое бьёт солнечный свет. Я вижу перед собой ровный квадратный двор. Брусчатка – просто идеальная, камешек к камешку. По двору идёт отряд воинов в полном вооружении. Они одеты в красно-белую форму – цвета Императора. Раздаётся крик: понять, что именно кричат, я не могу. Солдаты разворачиваются и направляются в другую сторону.

Это регулярная армия Императора, точнее, один из отрядов. У наместников редко бывают организованные войсковые соединения, насколько я знаю. Жирный в случае нападения возлагал надежды на своих гладиаторов. Впрочем, на Санлон нападали редко и скорее мелкими набегами: семь дней пути вглубь страны – это слишком далеко.

Раздаётся какой-то звук. Я разворачиваюсь. В комнату входит девушка с подносом. Она маленькая, изящная, с тонкими чертами лица. Она ставит поднос на круглый столик у кровати и собирается уходить.

– Ты куда? – спрашиваю я.

У меня давно не было женщины.

Она смотрит на меня немного испуганно. Я подхожу к ней, провожу ладонью по её щеке, увлекаю её к кровати. Она не сопротивляется: наверное, предупреждена. Впрочем, это хорошо: у меня сейчас нет настроения преодолевать сопротивление.

Мы развлекаемся около часа, и никто нас не беспокоит. Девушка не нравится мне: у неё слишком тонкая фигурка и маленькая грудь, но сейчас это не играет роли. Мне просто нужна женщина, вот и всё.

Я отпускаю её, и, по-моему, она довольна. Я был с ней нежен, как бывал нежен только с Бельвой, наверное. Почему так, я не знаю и сам.

Как только она выходит, дверь открывается снова. На пороге – Файлант. Он одет более подходящим для своей внешности образом – в свободную рубаху со шнуровкой и широкие грубые штаны. На груди его – дорогой золотой медальон тонкой работы. На поясе – тяжёлый прямой меч.

– Доброе утро, Риггер, – говорит Файлант.

Он не противен мне, как можно было бы ожидать, и, уж конечно, я не боюсь его. Я ему завидую.

Неопределённо хмыкаю в ответ.

– Сегодня, Риггер, твой первый день во дворце. Он может стать и последним, если ты не будешь слушать меня.

– У меня есть вопросы, – перебиваю я его.

– Задавай, – он наклоняет голову к плечу и садится на резной табурет.

– Зачем я здесь? – спрашиваю я.

– Ты это узнаешь на днях.

– Будет ли война с Фаоланом?

Файлант смеётся почти в полный голос.

– Нет, конечно. Какая может быть война? Это тебе Киронага наговорил, да, я знаю.

Я это предчувствовал.

– Киронага имел приказ: доставить тебя любым путём, – продолжает Файлант. – Теоретически он мог в первый день сломать тебе шею, связать по рукам и ногам и привезти на телеге. Он предпочёл более изящный способ.

– Наврать мне.

– Да. Потому что о настоящей цели тебе говорить нельзя.

– Про берсерков он говорил правду?

– Про берсерков – почти. Нас шестнадцать. Вместе с тобой. И это – со всей Империи. Пока что ты – самый слабый, потому что ты не чувствуешь свою настоящую силу. То, что ты положил восемьдесят с лишним человек в оружейной, ничего не значит. Ты не смог оказать должного сопротивления ни мне, ни Киронаге.

Я – самый слабый. Утешает то, что я сильнее всех остальных. То есть есть всего лишь пятнадцать человек сильнее меня.

– Зачем мы здесь?

– Я же сказал, ты узнаешь это на днях. Ты повторяешься в вопросах, друг мой.

Я молчу. Говорит он.

– Я могу сказать, чему тебя научило путешествие. Оно научило тебя хотя бы отчасти сдерживать свой гнев. Я в этом уверен. Ты начал думать прежде, чем убиваешь. Это большой шаг вперёд, поверь мне.

– Я смогу вернуться?

Он покачивает головой.

– Я не знаю, Риггер. Честно, не знаю. Это не моё решение.

– А ты, ты хотел бы вернуться туда, откуда привезли тебя?

– Я родился здесь. И Киронага – тоже. И ещё девять человек – из столицы. Ты – из самой дальней провинции.

– Я имею в виду, хотел бы ты вернуться к своей прошлой жизни?

– У меня не было прошлой жизни. Я помню себя только здесь, при дворе.

«При дворе». Для меня эти слова звучат противно.

И тогда у меня возникает последний вопрос:

– Здесь есть гладиаторские бои?

* * *

Я выхожу на арену. Она небольшая, но очень красивая. Ограждение – не просто деревянный забор, а настоящее произведение искусства, резной камень. Под ногами не песок и пыль, а странный чёрный покров, обладающий специфическим запахом. Он похож на застывшую смолу. Файлант говорит, что его варят на севере города, в отдельном районе. Живущие там люди умирают и возрождаются каждые три дня, потому что уже на четвёртый они начинают харкать кровью от испарений в воздухе. Пол немного пружинит.

Над головой – расписанная крыша. Там изображены три гладиатора. Один похож на Киронагу, второй – на Файланта. А третий – на меня. Я не могу сказать, совпадение ли это, но это так.

Напротив меня – Риринак, огромный и чёрный как смоль. Только белки глаз выделяются, и всё. На нём – только набедренная повязка.

Он салютует мне обоюдоострым мечом, я отвечаю ему своим – гораздо более тонким и лёгким. Но Риринак справляется с огромным оружием так легко, будто это пёрышко.

Он начинает первым. Парировать его мощные удары непросто, гораздо удобнее увёртываться. Но при своих размерах Риринак движется как пантера, и все мои ответные выпады проходят мимо. Раз, два, три раза я промахиваюсь. Впрочем, он тоже промахивается.

Наконец, у меня получается поднырнуть под его меч и полоснуть его по ноге. И тут же наступает темнота.

Я просыпаюсь на полу в душевой. Голова немного побаливает. Вокруг – никого.

Я выхожу на улицу. Моя одежда заляпана кровью. Первый, кого я вижу, – это Файлант. Он стоит спиной ко мне. Становлюсь с ним рядом.

– Как он меня достал? – спрашиваю я.

– Развернулся и отрубил тебе голову.

Чёрт. За четыре прошедших дня я не сумел одержать ни одной победы.

Файлант почти читает мои мысли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.